

КОРА
АНТАРОВА

ДВЕ
ЖИЗНИ

в обновленной редакции

III
ЧАСТЬ

Конкордия Антарова
Две жизни. Часть III

«Издательство АСТ»

1993

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Антарова К. Е.

Две жизни. Часть III / К. Е. Антарова — «Издательство АСТ»,
1993

Книга «Две жизни» – мистический роман, который популярен у людей, интересующихся идеями Теософии и Учением Живой Этики. В третьей части романа читатель вместе с героями отправляется в Индию, где уже известные нам люди и образы раскрываются в полной мере, изменяясь и совершенствуясь. Помимо захватывающего сюжета, многочисленных интриг и мистики каждая глава несет в себе подлинный источник духовной мудрости Востока, а также отражение идей того времени о семейных ценностях. Роман «Две жизни» не теряет своего живительного воздействия до сих пор, погружая нас в удивительный мир духовной мудрости и психологических закономерностей развития человека.

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Антарова К. Е., 1993
© Издательство АСТ, 1993

Содержание

Глава I	5
Глава II	26
Глава III	47
Глава IV	58
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Конкордия Антарова

Две жизни. Часть III

в обновленной редакции

Глава I

Приезд в имение Али. Первые впечатления и встречи первого дня

Долго, очень долго странствовали мы с И., пока добрались до Индии. И. часто делал длительные остановки, желая дать нам не только отдых, но и предоставить все возможности понаблюдать жизнь народов и подсмотреть их нравы и обычаи.

Делая крюк за крюком, руководясь отчасти и своими делами, а чаще всего стремясь расширить «мои университеты», он привез меня в Багдад. Смеясь, он уверял меня, что мне необходимо понять прелесть реального Багдада, а не судить о нем только по сладким пирогам.

Наше путешествие, длившееся несколько месяцев, благодаря ежедневному влиянию и заботам И. не только закалило мое здоровье, но изменило мой характер. Я почти перестал становиться Левушкой-лови ворон, внимание мое стало дисциплинированным, и – я не знаю сам, как это случилось, – я больше не впадал в раздражение.

Рассказать обо всех чудесах, что довелось мне видеть, так же невозможно, как невозможно отразить в одной статуе всю сложную мысль, как жизнь современной эпохи народов. Могу сказать только, что, как ни готовил меня И. к тому, что я увижу в Индии, она меня поразила сильнее всех чудес, которые нам пришлось увидеть за долгое путешествие. Я знал, что мы едем к подножию Гималаев, знал, что имение Али расположено в прекрасной и живописной долине, но я никак не ожидал, в какую волшебную красоту мы попадем.

Судя по тем домикам друзей И., в которых мы останавливались, я думал найти и в имении Али такой же маленький чистенький коттедж, снабженный единственным очагом и необходимой для жизни утварью. Как и во многом другом, здесь меня ждало разочарование. Дом в имении Али был прекрасный, из белого, похожего на мрамор камня, с многочисленными колоннами, с комнатами, изолированными друг от друга.

Нас с И. ждали две чудесные комнаты в верхнем этаже с балконами. И когда я вышел на свой балкон, открывшийся с него вид так меня поразил, что я все забыл и, разумеется, превратился в прежнего Левушку и «ловиворонил» до тех пор, пока солнце не закатилось за горы. А я все стоял, забыв обо всем.

Привела меня в себя мягко опустившаяся мне на плечо рука И. Ах, как он был прекрасен! Я еще никогда не видел его таким чудно красивым, каким он стоял сейчас передо мной: в хитоне оранжевого цвета; волосы его слегка отросли и спускались короткими локонами, а топазные глаза могли поспорить со звездами Ананды.

Я хотел закричать ему: «Как вы чудно прекрасны, И.!» – но не мог выговорить ни слова. В первый раз я почувствовал, как он высок, необычайно выше всего простого человеческого, мой дорогой друг. Чувство благоговения, благодарности за все, что он для меня сделал, преданность и верность ему захватили меня. Я молча смотрел на него. Он понял мои чувства и, ласково улыбаясь, сказал мне:

– Я не тревожил тебя, Левушка, потому что знал, как действует на человека этот дом и этот вид из него, когда его видят впервые. Но сейчас наступит вечер, который здесь спускается сразу. Мы должны вовремя поспеть к ужину.

Пойдем, я покажу тебе, где ванна и душ, познакомлю тебя с управляющим домом и со слугой, который будет у нас с тобой общим. Ты можешь надеть индусское платье, какое здесь носят все, или остаться европейцем, если тебе это больше нравится. Но точно являться к трапезам – это единственное правило, соблюдаемое всеми в большой строгости. Не беспокойся, ты поспеешь, – улыбнулся И., прочтя на моем лице опасение опоздать.

Мы прошли к управляющему домом, одетому также в белую индусскую одежду и, судя по лицу, бывшему типичным туземцем. Он был красив, еще молод, тонок и гибок. Продолговатое лицо, темное от загара, темная бородка-эспаньолка, темные глаза и белый тюрбан на голове. На мое приветствие он ответил по-английски, но с сильным акцентом и певуче. Голос его был мелодичен и мягок; взгляд добрый, но пристальный и внимательный, как будто бы он старался меня запомнить, что-то во мне изучить и понять. Но мне некогда было об этом раздумывать, я запомнил только, что звали его Кастанда. Меня очень поразило это имя, но тут же я вспомнил о ванной и помчался в нее с одной мыслью: скорее вернуться к И.

Меня ждали сюрприз за сюрпризом. Я думал увидеть какую-либо самодельную умывалку, вроде тех, что встречались нам по пути. Чаще всего просто огороженное в саду место с душем из нагретой солнцем воды. И попал в отличную ванную комнату с полом и стенами из плиток, с неограниченным количеством теплой и холодной воды, лившейся из водопроводных кранов. К довершению моего удивления, не успел я раздеться, как в ванную комнату вошел слуга-китаец. Добродушно улыбаясь, он заявил, что прислан Кастандой помочь мне. Не дав мне опомниться, он окатил меня из какого-то кувшина чем-то теплым, оказавшимся жидким душистым мылом. В мгновение ока он растер меня всего мягкой мочалкой, подвел под душ, а затем завладел моей головой, так что мне оставалось только закрыть лицо руками.

Отфыркиваясь и не решаясь открыть глаза, я шел за слугой, который тащил меня из-под душа куда-то настойчиво и очень осторожно.

– Садитесь теперь в ванну, монсье Леон, – услышал я по-французски. Я готов был ко всему. Но, услышав от китайца, который только что объяснялся со мной на плохом английском, французскую речь, я не выдержал и так расхохотался, что открыл глаза и напустил в них мыла.

Бросившись в прекрасную ванну, такого же белого камня, как дом, я тер глаза и продолжал хохотать.

– Вот Али-молодой говорила, что монсье Леон очень веселая особа, – снова услышал я голос слуги.

– Разве вы знаете Али-молодого? – удивился я.

– Как же не знать? Я вырастил Али-молодого. Он и послал меня сюда для вас и брата И. И сам он приедет сюда. Тогда у меня будет три господина, – преуморительно коверкая слова, отвечал слуга.

Выскочить из ванны, растереться и одеться в костюм, который был уже мне знаком, – было делом одной минуты. Сердечно поблагодарив китайца за помощь, я спросил, как его имя. Он немного замялся и ответил:

– Как имя – это другое дело. Вы зовите меня Ясса – так зовет меня Али-молодой и зовут все здесь.

– Я буду звать вас Ясса, но с тем, чтобы вы звали меня просто Левушка, как меня зовет Али-молодой и как будут звать все здесь.

Китаец рассмеялся и сказал:

– Будет так, если И. велит.

– Велит, велит, можете быть уверены.

И я бросился было бежать к И., но понесся в совершенно противоположную сторону и только с помощью все того же Яссы нашел И. в его комнате в беседе с Кастандой.

– Я не опоздал, И.? – весело воскликнул я, вбегая в комнату.

– Еще только через четверть часа будет гонг, – ответил мне Кастанда. – Не удивляйтесь, пожалуйста, если ваш и И. приборы будут украшены цветами. Али Мохаммед, наш дорогой хозяин, предупредил нас о приезде его друзей. И каждый из живущих здесь сейчас пожелал выразить чем-нибудь свой привет вновь прибывшим гостям. Сам же Али-старший приветствует вас подарками, которые вы также найдете на своих приборах.

Кастанда нас покинул, и И. сказал мне:

– В столовой, как и здесь, царит простота, Левушка. Но это не значит, что человек лишен комфорта. Сейчас у тебя ослеплены глаза. Ты рассеялся и не знаешь, куда и на что смотреть. Завтра ты лучше рассмотришь окружающее тебя. Мы пойдем сейчас ужинать, не смущайся большим числом незнакомых тебе людей. Ты встретишь немало и женщин.

У меня сжалось сердце. Точно живая, пронеслась перед моими глазами Анна.

О, как остро я почувствовал ее горе в эту минуту. Она могла быть здесь с нами. Ананда сам мог привезти ее сюда, и вот одно мгновение сомнений и ревности – и все пропало.

– Анна не безвозвратно отошла, – тихо и ласково сказал мне И. – Она укрепитесь и будет здесь. Ее бури ревнивых сил не вспыхнут больше. Но будет она здесь только тогда, когда сюда приедет и дочь Али – Наль, со своим мужем, твоим братом. К этому времени Али сам привезет сюда Анну. Не тоскуй о ней. Помогай ей мыслями радостной любви. Посылай ей каждое утро и каждый вечер помощь бодрости и мужества. Ничем более активным ты в данную минуту ей помочь не можешь. Но ты не думай, что это так мало. Это очень большая помощь. Ежедневная радостная мысль о человеке равняется постройке рельс для молниеносного моста, на котором можно научиться встречаться мыслями с тем человеком, о котором будешь радостно, чисто, пристально и постоянно думать.

Ударил гонг. И., как всегда угадавший мое смущение, взял меня под руку, и мы сошли вниз. Уже было почти темно, очень тепло, почти жарко. Зал, называвшийся столовой, был ярко освещен, к моему удивлению, электричеством. Несколько дверей в нем были настежь открыты, окна были завешены мокрой кисеей, и под потолком вращались десятки огромных вееров, создававших прохладный ветерок. Но все же было душно.

Я понял, насколько я окреп. Я не мог бы вынести ни минуты такой жары раньше. Перед этой жарой духота Константинополя казалась шуткой. Несколько месяцев тому назад я немедленно упал бы в обморок, а сейчас мне было просто душно. Мой индусский костюм и сандалии на босу ногу очень мне помогали.

Мы вошли одними из первых. Кастанда сейчас же подошел к нам и проводил к нашим местам. Они оказались за крайним столом, на котором было много приборов, как и на других столах. Многие из входивших приветствовали И. как старого знакомого. Некоторые кланялись нам обоим издали как вновь прибывшим друзьям. Здесь все, очевидно, были знакомы друг с другом и никто никого не стеснялся.

Когда все заняли места за столами, на каждый стол стали подавать кушанья очень своеобразным порядком. На небольших, очень пропорциональных и красивых столиках, которые катили слуги, стояли миски и блюда, и каждый брал себе то, что хотел и сколько хотел. Такие катящиеся столики свободно проходили между обеденными столами. Наш стол был крайним к окнам, и тележку прикатали к нам со стороны окна.

И. предложил мне выбрать блюда для него и себя, а я не мог решить, что и как здесь едят. Заметив на одном из блюд салат из помидоров, на другом картофель, на третьем цветную капусту, я принялся снабжать ими И., как вдруг увидел чудесную дыню. Вспомнив, что «мудрец без дыни невозможен», я уже хотел положить туда и дыню, но И., смеясь, сказал:

– Тележка-стол, Левушка, опять приедет, как только мы с тобой справимся с овощами. Обрати лучше внимание на цветы, которые перед тобой, и еще кое на что. Быть может, привет Али тебя тронет.

Я стал рассматривать цветы и увидел, что передо мной в высокой зеленой вазе стояла белая лилия. Очевидно, у Али и здесь были оранжереи. Но я положительно не мог ни на чем сосредоточиться. Сколько передо мной было лиц – мужских, женских, молодых, средних и старых, – и каких лиц! Мне хотелось их хотя бы вскользь рассмотреть, но каждое лицо, на котором останавливался мой взгляд, казалось мне замечательным, и я с трудом отрывал взгляд от него.

– Нет, Левушка, и не пробуй сразу разглядеть все и всех, – услышал я смеющийся голос И. – Здесь более ста человек, ты их узнаешь постепенно.

Кушай, осмотри свой прибор и сосчитай хотя бы тех, кто сидит с нами за одним столом.

Я вздохнул, поняв, как далеко мне до И., который мог видеть сразу сотню людей и в несколько минут определить полную характеристику каждого; мог каждому сказать именно то, что ему нужно, и поддержать в каждом энергию одним словом или взглядом.

Меня уже не поражали эти свойства в И. Я их достаточно видел во Флорентийце и Ананде. Меня что-то поражало в этом переполненном людьми зале, которых я видел за последнее время так много. Было здесь что-то особенное, чего я еще нигде не наблюдал. И это «что-то» относилось не к внешнему своеобразию самого зала, а к людям в нем, к внутренней стороне, к не бросающейся ничем в глаза, но остро чувствовавшейся духовной культуре. Я воспринимал сейчас эту толпу людей совершенно по-другому. Здесь нельзя было себе представить, что вдруг в каком-либо углу зала прозвучит резкий выкрик, саркастический смех, злобная фраза...

И. снова отвлек мое внимание и заставил меня есть, говоря, что тележка приедет скоро снова, а я отстаю. Я стал есть, не сознавая, что я ем, посмотрел на салфетку и обомлел. На моей салфетке было чудесное золотое кольцо с именем Али, выложенным из мелких зеленых камней и белых жемчужин.

– Ведь я говорил тебе: посмотри поближе к себе, – сказал мне И., снова улыбнувшись моей невероятной рассеянности.

Я захотел узнать, какое кольцо у И., и еще раз обомлел. На его салфетке было кольцо из простого белого дерева, на котором из белого коралла была надпись: «Али». Дальше шла надпись на неизвестном мне языке.

– Когда я ехал с Флорентийцем из К., – сказал я И., – я не понимал ни слова из того, что он говорил туземцам. Я был все время тогда раздражен и расстроен. И я дал себе слово изучить этот язык, непонимание которого доводило меня до иступления. Я ничего еще не сделал, чтобы выполнить свой первый обет. Тем не менее, я даю второй обет: узнать язык, на котором сделана надпись на вашем кольце, И. Я потерял способность раздражаться, меня не угнетает мое невежество. Пожалуй, в моем теперешнем самообладании я еще яснее ее вижу, мою невежественность. Поможете ли вы мне, И., выполнить мои два обета?

– Охотно, друг. Только, пожалуйста, не давай больше скоропалительных обетов, а то, пожалуй, тебе придется прожить здесь, в Общине Али, годы и годы. А я привез тебя сюда только на короткий срок, чтобы ты мог подготовиться здесь к дальнейшей жизни подле Флорентийца.

– Община Али? – совершенно изумленный, спросил я.

– Да, но все это я расскажу тебе после. Сейчас кушай, смотри, отвечай на вопросы, хотя, думаю, никто ни о чем тебя не спросит.

Так, прислушиваясь к разговорам за нашим столом, я стал внимательно рассматривать своих ближайших соседей. Я прикоснулся к цветам возле моего прибора и вдруг увидел среди них два небольших конверта. На каждом из них стояло мое имя. Я сразу узнал крупный, четкий почерк Али-старшего и не менее четкий, но гораздо более мелкий и женственный почерк Али-молодого.

Вместе с огромной радостью на меня нахлынула целая туча воспоминаний. Я вновь переживал пир у Али, разлуку с братом, встречу с Флорентийцем и отдельные эпизоды путешествия с ним. Любовь к брату была все такой же сильной в моем сердце; но сейчас в моей памяти преобладающей нотой звучала не скорбь о разлуке с ним, а радость за него, радость, что он счастлив, в безопасности и живет подле Флорентийца. Я думал об Али-старшем с большой благодарностью не только за то, что сейчас сидел под его кровом, но и за то, как много он сделал для брата, как, в сущности, оба мы были обязаны ему всем.

И вдруг я снова ощутил знакомое мне содрогание во всем организме. Мне показалось, что я вижу Али, стоящим у круглого окна вдаль. Вижу его прожигающие очи и слышу сильную, четкую речь:

– Учись, Левушка. Первой задачей стоит перед тобой полное самообладание, второй – бесстрашие и третьей – такт. Приобретя эти качества, ты можешь снова выйти в мир для труда и служения людям. И. поможет тебе, я приму тебя в круг моих сотрудников.

Али исчез. Мне показалось, что стало значительно темнее в комнате. Я опомнился потому, что И. заботливо помогал мне встать со стула. Я давно не впадал в болезненное состояние иллюзорных видений, считал себя совсем выздоровевшим от них и сейчас совершенно расстроился, поняв, как я еще мало окреп.

Все вставали со своих мест, очевидно, ужин был окончен. Повинуясь руке И., я также встал с места и увидел перед собой Кастанду.

– Вы, вероятно, очень устали от дороги и жары, Левушка, я пришлю вам ваши цветы на балкон.

А письма вы, конечно, захотите взять с собой сейчас же, – подавая мне конверты, сказал Кастанда.

Я поблагодарил, взял оба письма, хотел взять и кольцо, но И. сказал, что кольцо мы рассмотрим завтра при дневном свете. Он познакомил меня с некоторыми из подхлывших к нему друзей. Но я был как в тумане и едва различал лица, за минуту до этого казавшиеся мне такими значительными. Мы вышли в сад. Я в первый раз мог наблюдать яркое небо на громадном просторе, но сил у меня было так мало, что я попросил И. сесть на первую попавшуюся скамью. Я приник к И. От него бежала ко мне живительная энергия. Я постепенно успокоился и почувствовал, что сердце мое бьется ровно. Я сказал, что хочу пойти к себе и прочесть письма обоим Али.

– Скоро, гораздо скорее, чем ты думаешь, Левушка, ты научишься владеть собою и будешь слушать речь друзей на огромном расстоянии без всякого напряжения, – ласково говорил И., провожая меня домой.

Из всего окружающего меня сейчас я мог только в одном дать себе отчет: тишина ночи отвечала тишине во мне. По дорожкам сада двигались темные тени группами, парами, в одиночку. И снова, сталкиваясь с людьми, шедшими нам навстречу, я чувствовал, – как в обеденном зале, – что от них льется доброжелательство. В чем оно выражалось и как я мог его ощущать, я не знал. Но был определенно уверен, что здесь никто меня не судит, не разбирает по статьям, а очень просто и любовно принимает в свое общество.

И. вел меня какими-то дальними путями, я понял, что он хотел мне дать возможность совсем прийти в себя. Мне стало вдруг даже смешно: неужели И. думает, что я прежний Левушка, что в какой-либо щели моего существа могло засесть раздражение?

– Мой дорогой И., я уже давно способен читать мои письма; голова моя в полном порядке. Неужели вы можете предполагать, что я сегодня был раздражен? Я уже забыл, как это делается, – весело заглянул я в лицо при ярко горевших звездах.

Я знаю, что для тебя стало невозможным раздражаться, Левушка, и если я так долго вожу тебя по саду, то только для того, чтобы в первую же ночь, как ты войдешь в здешний дом Али, ты вошел в полное равновесие сил и чувств. Мы в Общине Али. Каждый из нас, придя

сюда, уже прошел крестный путь жизни. Но не каждый прошедший его мог дойти до этого дома. Здесь ты увидишь только тех, кто просветлен в своем страдании, кто понял, принял и благословил свои обстоятельства, кто захотел жить, служа человечеству, думая об общем благе.

Входя сегодня в этот дом, подумай, мой дорогой мальчик, обо всех, кого ты оставил в Константинополе. Обо всех, кто сейчас вокруг Ананды и Флорентийца, а также вспомни сэра Уоми и всех, кто с нами был и ушел утешенным и обрадованным. Оба Али будут говорить с тобою в письмах; благослови день встречи с ними. Сбрось всю тяжесть прежней скорби и недоразумений с себя.

Войди под новый кров Али свободным, легким и радостным. Не думай, что сулит тебе «завтра». Но заверши свое «сегодня» такой полнотой чувств, чтобы весь твой организм мог воспринять слова, что пишет тебе Али-старший.

Мы вошли в дом, поднялись к себе, и я простился с И., чтобы наедине прочесть письмо Али, чудесное лицо которого я так недавно видел глядящим на меня из эфира в круглом окне.

«Друг, брат и милый сын!

Нет расстояния и условного разъединения для тех, чье сердце горит неугасимой любовью. Нет смерти для тех, чье сознание раскрыло человеку его живую Вечность, которую он в себе носит.

Сегодня ты вступил в мой дом на Востоке. Вступи в него не гостем, не другом, но равноправным членом моей семьи. Все, кого ты там встретишь, – твои братья и сестры, идущие путем труда и совершенствования. Тебе дано больше, чем многим из них. Ты обладаешь силой видеть и слышать в любую минуту и меня, и Флорентийца, и Ананду, и сэра Уоми. И. поведет тебя, постоянно помогая развитию твоих психических сил, к высшей ступени знания. Ты будешь владеть силами в себе и вовне.

Что нужно от тебя, чтобы дело шло успешно и развернуло в тебе все силы творческого духа? Нужна твоя верность. Что такое верность ученика своему Учителю? Это единение вечное с его трудом и путями. Если ты выразишь героическое напряжение сил и мыслей, ты сольешься с бурным пламенем творчества твоих Учителей. И Вечность раскроет в тебе все твои таланты. Но верность твоя – единственный ключ ко всему знанию.

Живи легко, бесстрашно и свободно. Кто не сумеет так жить свой день, для тех знание закрыто, хотя бы они даже переступили порог Общины. Можно жить среди совершенных людей – и все же видеть только их внешние манеры. Можно жить среди таких же, как ты сам, несовершенных, но стремящихся к радости совершенства людей и видеть в них каплю огня Вечности. И тогда ты будешь стремиться не потревожить ничем этой капли огня в другом человеке, а принести ей помощь, чтобы она могла легче и проще, выше и веселее превращаться из капли в костер. Повторяю: ключ к такому пути ни Община, ни люди, ни природа с ее красотой никому не предоставят. Ключ – в тебе самом, в твоей верности.

Нет никаких «особых» знаний, которые раскрываются человеку упорством воли, в каких-то особо избранных местах, по особым ритуалам. Этими делами занимаются темные оккультисты. Знания их, приобретенные этим путем, ничтожны, в чем ты уже имел возможность убедиться. Но соблазн, который они вносят в мир, язвы, которые они оставляют в сердцах, страшны и разрушительны среди людей невежественных. Действуя на эгоистические страсти, темные оккультисты вербуют себе войско, сжигая в человеке волю к добру своим тяжелым гипнозом.

Та Община, где ты сейчас живешь, – это спасительная сеть, где куются бойцы для борьбы со злом, с нагребанием, с разжигающими страстями. Здесь закаляются сердца тех, кто хочет жить для общего блага, для мира и радости людей.

Знание – двигатель жизни, и радость – масло для него. С той минуты, как ты вошел под кров моей Общины, осознай новый порядок вещей и пойми в нем новый подарок, который тебе дала Великая Жизнь.

Перед тобой период в целых семь лет абсолютной раскрепощенности от всех забот практической жизни. В полной освобожденности от бытовых тягот осознай свою величайшую внутреннюю свободу. Осознай, что твое Я, освобожденное от страстей, может сдвигать горы, если верность твоя цельна до конца, и никакие сомнения и страхи не могут пробить в ней брешь.

Прими, друг, бодрое пожатие моей руки и иди по жизни в простой доброте. Как только доброта твоя станет ежедневным, привычным двигателем твоей жизни, ты каждую встречу сумеешь начать и кончить в радости и мире. Верь мне: все, чего должен достичь человек в своих встречах, – это начать и кончить каждую из них в мире, милосердии и доброте.

Время – семь лет, о которых я упомянул, что кажутся тебе сейчас целой вечностью, – мелькнет как одно мгновение, и, покидая гостеприимный кров Общины, ты будешь сам себя уверять, что еще не чувствуешь себя в силах идти в практическую жизнь, чтобы строить людям пути к общему благу и миру.

Но... каждому – его момент современности, его момент творчества, его момент развития и действия героических сил. Кто спешит – не достигает. Кто отстает и медлит – находит смерть.

Мужайся, друг. Ты хорошо начал свой путь – продолжай его так же. Если в минуту разлада ты будешь нуждаться в моей помощи, крепко и уверенно думай обо мне, зови имя мое «Али», и я отвечу тебе немедленно. Прими мой привет и мир. Твой друг Али Мохаммед».

Я потушил лампу, взял в руки письмо и вышел на балкон. Ночь, тихая, темная, с небом, усеянным звездами, окружала меня. Огромные пальмы едва вырисовывались волшебными контурами. Неведомые мне звуки этой ночи, какие-то шорохи, точно вздохи, очень отдаленный звук свирели, аромат роз и гвоздик... Все слилось в какое-то кольцо еще неиспытанных спокойствия и блаженства.

Гармония царила в этой ночи и захватила меня. Я перестал чувствовать себя отдельным существом и ощущал радость бытия, счастье жить в этом очаровании Вселенной, живой частью которой я себя создавал.

Прижав письмо к губам, я благодарил Али за все его благодеяния мне и брату. Я прочел письмо еще раз не глазами и умом, но сердцем. Любовь моя к нему пролилась горячей волной, раскрыв мне великую мощь Али. Я увидел еще один аспект, аспект любви, в фигуре моего высокого друга. И я захотел приблизиться к знанию, чтобы приблизиться к нему. Я так долго простоял на балконе, что звезды стали меркнуть, восток зарозовел. Я вспомнил о письме Али-молодого и поспешил в комнату. Волшебная картина пробуждающейся жизни заставила меня отдернуть занавеси. Я распахнул одно за другим все окна настежь и стал наблюдать, как из-за горного хребта выплывала красная полоса, становясь все шире и ярче. Внезапно выскочил краешек солнца, и я едва удержал крик восторга. Весь горный хребет с белыми вершинами, облитый розовым светом, открывался на дальнем горизонте. И до самого хребта тянулась широчайшая долина с живописными селеньями, переплетающимися садами, полянами и лесами. Я только тогда отошел от окна, когда увидел садовников, выходивших из дальних построек Общины.

Одновременно во многих местах дома началась жизнь. Я видел, как фигуры в белом с мохнатыми полотенцами на плечах шли купаться к горной речке. Я сел в кресло и стал читать второе письмо.

«Мой дорогой Левушка, мой милый брат», – писал своим мелким и необычайно красивым почерком молодой Али. Глядя на этот характерный почерк, я особенно ярко представил себе Али. Я вспомнил его в первые минуты встречи, когда он, не видя нас, высаживал из коляски ворчливую тетку и украдкой улыбался Наль.

Я видел его в индусской одежде на даче у дяди Али. Я вспомнил его и в ту минуту, когда Наль дала цветок брату Николаю... Как должен был тогда страдать этот человек, даже буквы почерка которого ложились ровной лентой, как гармонично сплетенное кружево. Какая стойкость воли и должна была жить в этом гармоничном существе, чтобы после смертельного

удара вновь жить полной жизнью, улыбаться и радоваться. Сейчас для меня было ясно, что именно в тот момент, когда Наль подала цветок не ему, а брату Николаю, Али умер. Умер беззаботный, влюбленный Али, умер жених, мечтавший о любви и семье, и остался жить новый человек, воин, строитель жизни, подле Али-старшего, уже навек забывший о себе.

Я не спрашивал себя сейчас: «Зачем столько страданий в мире?» Я знал теперь, зачем они, знал, что через них люди идут к знанию и на препятствиях растут и закаляются. Я снова стал читать письмо.

«Передо мной мелькает вся твоя тревожная жизнь последних месяцев. Не раз сжималось мое сердце за все твои муки, и я хотел бы обменяться с тобой ролями и взять на себя твой подвиг, предоставив тебе спокойную жизнь подле дяди Али. Но... путь себе не выберешь. Путь стелется там и так, как сам человек его соткал.

В письме не передашь всего, что хотелось бы излить из сердца. Да и слова наши малы для того огромного, чем я хотел бы поделиться с тобой. Одно мне необходимо тебе сказать: не печалься ни обо мне, ни о твоём брате.

Видишь ли, цель жизни на Земле – освобождение через труд. Но мы так созданы, что, приходя на Землю, приносим и растим в себе такое количество страстей и предрассудков, которые опутывают нас, как цепкие лианы. И чем прекраснее цветы наших иллюзорных лиан, тем яростнее мы к ним привязываемся и за ними гоняемся. Когда ж настанет момент нашего внутреннего созревания, нам придется разрывать цепи иллюзий. И если цепи глубоко вросли в наше сердце, то в тот момент, когда мы их вырываем, – мы умираем. Умираем иногда целыми частями своего существа, чтобы на месте связывавших нас страстей вырастала радость освобождения.

Не могу тебе сказать, чтобы я завоевывал свои ступени роста и освобождения легко и просто. Я уже много раз умирал под вцепившимися в меня лианами страстей и много раз снова оживал, всегда благословляя Жизнь за посланный ею урок освобождения.

Я вижу, как свалились на тебя сразу целые десятки уроков. Я вижу, как стоически ты их выдержишь, мой дорогой друг Левушка. Тебе кажется, что страданий вокруг слишком много, что Милосердие Жизни могло бы больше позаботиться о радости людей. Нет, Левушка, не Жизнь раздает награды и удачи или наказания. А человек подбирает в своих днях то, что он сам разобрал своим творчеством в веках вокруг себя.

Выбросить, как ковшом вычерпать мутную воду, что сам пролил в жизнь, – невозможно. Ее надо пропустить через собственное сознание и труд. И только тогда вода, прошедшая через фильтр собственной доброты, всосется в землю, оставив на ее поверхности вокруг человека кристаллы чистой Любви. Эти сверкающие кристаллы уже не могут ни замутиться, ни разбиться. Это кусочки твоей вечной Любви, что живут в тебе и каждом. Они легки, чисты и сыплются с нас, как алмазный дождь, лишь только мы двигаемся к труду по земле в своем простом дне, думая не о себе, а о встречаемых.

Чем больше любви в сердце, освобожденной и очищенной, тем чище и шире вокруг нас блестящий «ковёр», на котором встречает своих ближних каждый человек. Когда только еще подходишь к человеку, ощущаешь уже издали аромат атмосферы его «ковра». И тот человек, чья атмосфера очаровывает нежностью и энергией силы, всегда много-много раз уже умирал своими страстями раньше, чем они переросли в кристаллы освобожденной любви.

Тебе, Левушка, пришлось много выстрадать. Но перед тобой еще огромная, долгая-долгая жизнь. Все еще встретится тебе на пути. Но ты знай одно: нет таких ступеней совершенства, которые сваливались бы с неба на плечи человеку сами собой из рога изобилия, что держит чья-то рука, усыпая путь цветами.

Каждый цветок – собственный труд человека. Каждая удача – твоя победа в тебе самом.

И «удача», которую ты назовешь этим словом, – это будет твое знание, твое достижение на пути освобождения. Это будет внутренняя мощь и победа, а не те внешние блага, что обыватели зовут удачами, стараясь вырвать их себе чужими руками и трудом.

Если временами тебе будет становиться особенно трудно и тяжело, знай твердо, что проходишь одну из ступеней своего освобождения, что в тебе умирает какая-то часть иллюзий. Их умирание всегда переносится трудно организмом Земли, наделенным сознанием, силами и чувствами двух миров – Неба и Земли.

Зная это, вспоминай, когда страдание обовьется вокруг тебя, и льни тогда к людям вроде И., чей «ковер» любви разросся в огромное яйцо, охватывает самого И. и всех, кто к нему подходит. Дядя Али говорил мне, что пошлет меня к тебе в Общину. Я там был уже два раза и буду счастлив, если встречу там с тобой.

Прими мой сердечный привет, дорогой друг. Не стоит и говорить, как я буду рад, если ты не откажешь мне в твоей дружбе и будешь мне писать. Я же всегда с тобой в мыслях и дерзаю назвать себя твоим верным другом. Али Мохаммед».

Это было второе письмо, полученное мною от Али-молодого. Я поневоле вспомнил, как я караулил сон Флорентийца и читал в духоте вагона его первое письмо.

Как сравнительно мало прошло времени, еще и года не истекло с нашей первой встречи с Али, а сколько уже промелькнуло событий. И таких событий, которые закрыли собою того мальчика, что приехал в К. Я улыбнулся сам себе, когда представил себе того наивного, ежеминутно раздражавшегося Левушку, который шел на пир Али и воображал себя героем маскарада. Мне показалось, что я даже не мог теперь и чувствовать так экспансивно, как в то время.

Вспомнил я и свое отчаяние, одиночество, слезы брошенного существа, что давали мне ощущение кладбища, – и ясно понял, что я переступил какую-то ступень сознания и уже больше не буду искать счастья жизни в той или иной форме жизни внешней.

Вероятно, я еще долго раздумывал бы о всевозможных вопросах, которые всплывали по ассоциации воспоминаний, но меня отвлек цветок, брошенный в окно. Я поднял его, вышел на балкон и увидел И., звавшего меня купаться в горной речке.

– Да ты, Левушка, не спал? Это никуда не годится, – говорил мне притворно грозным тоном мой дорогой друг и наставник. – Сегодня я буду знакомить тебя с большим числом моих друзей. Среди них будет немало прелестных дам, и мне вовсе неохота, чтобы они составили себе впечатление о скучном Левушке, который дремлет за завтраком.

Я уверил И., что не ударю лицом в грязь, спрятал письма, захватил простыню и быстро нагнал уже спускавшегося вниз И.

Мы шли теперь по той живописной долине, которую я наблюдал со своего балкона. Тропа круто свернула влево, мы обогнули небольшой сад, и я снова застыл от изумления. Горная речка текла издалека, падала уступами, бурлила и пенилась, но у песчаной отмели, куда привел меня И., разливалась большим озером, как огромная чаша, и вытекала снова узкой, бурлящей по уступам речкой.

Вокруг озера росли пальмы и было раскинуто много купален. Озеро было глубокое, вода холодная. И только немногие, отличные пловцы и спортсмены, решались переплыть его. На другой его стороне тоже стояли купальни, и там я различил двигавшихся людей.

Было уже очень жарко, я мечтал поскорее окунуться, но И. повел меня дальше, на следующую уступ горы. Здесь я увидел такую же точно картину, река образовывала озеро и текла дальше. Но это озеро было гораздо меньше и мельче. И. объяснил мне, что приезжающим впервые в общину нельзя купаться сразу в нижнем озере, так как слишком низкая температура воды вызывает судороги и может даже смертельно навредить всему организму. Но, постепенно приучаясь к переходам от жаркой температуры воздуха к холоду воды в озере, воды, обладающей большими целебными свойствами, можно не только сбросить с себя кучу физических болезней, но и обновить весь организм.

Многие, прожив в Общине шесть – семь лет, уезжают помолодевшими на десятки лет и почти перестают болеть. И., не желая оставлять меня одного, купался тоже в верхнем озере. Не знаю, как бы я чувствовал себя в нижнем озере. Но вода верхнего меня пленила. После моря, в котором за время нашего долгого путешествия я часто купался, мягкая, совершенно прозрачная и приятно прохладная вода озера, где был виден мельчайший камушек, где дно было как бархат, где не плавало ни одной медузы, казалась мне блаженством. Я никак не мог решиться расстаться с озером, и только угроза И., что близится час женского купания и я задержу дам, заставила меня вылезти из воды, хотя я вздыхал и обещал И. завтра же найти себе еще одно озеро, где бы можно было купаться сколько захочешь, не боясь дамского нашествия.

И. смеялся и угрожал познакомить меня с одной американкой, очень богатой дамой, которая не любит юношей-затворников и превращает их в своих пажей. Я возмутился и просил принять к сведению, что в Америку ни за какие блага не поеду и знакомиться буду только с русскими. Едва я успел договорить фразу, как за купальней послышались голоса и смех.

– Это что же значит? – услышал я веселый, очень молодой женский голос, говоривший по-английски. – Лорды все еще на озере? Разве не пробило семь?

– Нет, милостивые леди, – отвечал И. – Еще три минуты в распоряжении лордов. А, кроме того, один русский граф, только что приехавший, опоздал специально, чтобы скорее познакомиться с американской леди. Он так много наслышан о ее уме и воспитательских талантах, что мечтает попасть в число ее пажей.

Все это И. говорил кому-то на мостике купальни, уморительно перехватив интонацию женского голоса и чуть неправильный акцент, что я крепился, крепился, да сорвался и залился своим прежним мальчишеским хохотом. И. распахнул дверь купальни, вытащил меня на берег, и... я замер, превратившись в Левушку-лови ворон.

Передо мной стояли две женщины. Одна была полная, среднего роста, с сильно выюющимися волосами, некрасивая шатенка. Но ее огромные беспокойные серые глаза, навывкате, с властным выражением, точно не вмещались в это плотное тело. Этим глазам, казалось, все надо было знать, во все вмешаться, во все вникнуть. Ей было на вид лет тридцать.

Рядом с ней стояла девушка, совсем юная и тонкая, болезненного вида, с темными волосами, прехорошенькая, предобрая и... довольно печальная. Я не мог ничего понять. Очевидно, голос принадлежал молодой? Но вот заговорила старшая, и нечто вроде мороза пробежало по моей коже: голос принадлежал ей. Кому же это И. наметил меня в пажи? Этим электрическим колесам, а не женским глазам, должно быть, никак не угодишь.

Старшая дама улыбнулась – точно дырочку просверлила в моем сердце – и вновь сказала:

– Будь моя воля и не мешай мое величайшее преклонение перед вами, доктор И., я бы запретила детям раньше семнадцати лет являться в Общину. Особенно таким нервным, как ваш спутник.

– Ничего, Наталья Владимировна, мой друг уже опередил многих. А главное – пришлось бы начать запрет с вас. Ведь вы-то приехали сюда, когда вам еще не было полных семнадцать лет. И все же вас приняли здесь с радостью, и жизнь здесь не повредила вам.

И. представил меня обеим женщинам, назвав одну Натальей Владимировной Андреевой, а другую леди – Бердран. – Через день все равно будете звать меня Натальей, так уж можете и не напоминать отчества, – сказала Андреева, протягивая мне руку. И какая тонкая и приятная была эта рука! Я сразу почувствовал в ней друга и перестал бояться ее глаз.

– Ну и шила же у вас вместо глаз!

– Бог мой, а я только что хотел сказать вам, что ваши глаза – электрические колеса! Должно быть, на дне морском гвоздь сыщут они. Я уже почувствовал, как вы просверлили меня ими, Наталья Владимировна.

– А я что же? – рассмеялась леди Бердран. – У меня ни шил, ни колес, ни дырочек сверлить не умею, к какому же рангу смертных причисляюсь я?

– Вы, леди, вы звезда удач. Я уверен, что встреча с вами несет всем удачу. И ваша печаль происходит от того, что вы у всех берете скорбь и бросаете им взамен свою доброту.

– Пощадите, И.! Вам надо было вашего друга купать сразу в нижнем озере, – расхохоталась Андреева.

И. взял меня под руку, весело поглядел на дам, еще веселее засмеялся, назначил им свидание в столовой и побежал, как бегают школьники, увлекая меня за собой.

Опять пришлось мне поразиться. Положительно с моим водворением в Общине я только и знал, что удивлялся. И., такой серьезный, степенный, так редко смеявшийся, только улыбающийся, был здесь совсем другим. Я не мог себе вообразить, что И. может бегать и шалить со мною, как мальчик.

Через несколько минут я взмолился и попросил И. перейти на медленный шаг.

От моего прохладного купанья не осталось и следа. Я был мокр, и пыль набилась в мои сандалии, И. же имел вид вышедшего из гостиной.

– Не огорчайся, Левушка, приучишься к климату и выучишься ходить и бегать так, чтоб не подымать пыли. Иди, меняй свое платье, возьми душ, скажи Яссе, он тебе поможет. Я буду здесь тебя ждать.

И. сел в тень на скамью возле крыльца, и не успел я подняться на верхнюю площадку, как он был уже окружен большим кольцом людей.

Ясса посоветовал мне принять холодный душ, что я с восторгом исполнил, дал мне свежий хитон и сандалии и сказал, что утром все ходят в одном легком хитоне и только к обеду надевают два. Обед бывает здесь рано, в два часа.

Я удивлялся, как можно есть в самый зной, но не сказал ничего. Ясса же, точно поняв мои мысли, объяснил мне, что утренняя столовая, куда мы пойдем сейчас, – западная. Обеденная – в самом конце сада, у речки, она северная, открытая, обвитая вся лианами и плющом, а чайная – на восточной стороне парка, у самой скалы. Жарче всего не в обеденной столовой, зелень которой все время поливают водой и где дует ветер вееров, а в чайной, где даже устроен в скале грот для тех, кто плохо переносит жару. В гроте всегда прохладно, и многие даже занимаются там в полуденный жар.

Я сошел вниз как раз с ударом гонга, И. познакомил меня с некоторыми из своих собеседников, взял меня под руку, и мы пошли всей группой к столу.

Я посмотрел по сторонам с беспокойством, думая, что мои новые знакомые дамы запаздывают к завтраку. И здесь мне был сужден сюрприз. С противоположной стороны парка шли Андреева и леди Бердран. Очевидно, была еще другая, кратчайшая дорога от реки прямо в парк.

Теперь я мог лучше рассмотреть обеих дам. Андреева шла довольно тяжелой походкой тучных людей. Ее глаза на самом деле походили на электрические шары. На меня она снова произвела впечатление намагниченного человека. Мне казалось, что ее спутница умышленно держится подальше от нее. Леди Бердран улыбнулась нам и села за соседний стол, где уже сидел немолодой человек, бритый, очень красивый, живой, с прекрасными манерами. Я принял его за француза. Он приветствовал свою соседку, ловко отодвинул ее кресло и сел сам только тогда, когда она опустилась в кресло и придвинулась удобно к столу.

И. сказал мне, что этот человек поляк, простой рабочий, добившийся сам высшего образования и боровшийся не раз за освобождение своей родины. Имя его – Ян Синецкий, он здесь уже не первый раз.

Возле Андреевой я увидел человека небольшого роста, с прелестными, добрыми и детски наивными глазами. Окладистая серо-седая борода и такие же кудрявые волосы в сочетании с большими близорукими синими глазами – веселыми и юмористически плутоватыми – все было так красиво и обаятельно, что даже очки не портили его лица. Щеки его были розовые, губы красные, зубы перламутровые, и весь он мог бы быть моделью для статуи добряка.

Улыбка почти не сходила с его губ, и одет он был в легкий, безукоризненно белый костюм из тончайшего шелка. От него так и веяло чистотой и аккуратностью, что еще резче подчеркивало полный контраст с его соседкой.

Грубо высеченные черты волевого лица, необычайная живость глаз и пристальность взгляда, какая-то суровая сила, исходившая от нее, составляли полную противоположность с ее соседом. Все в ней было неряшливо. Кружевная белая косынка, покрывавшая ее волосы, была наброшена небрежно. Платье было измято, книга, которую она держала в руке, потрепана, из зонтика торчали две обнаженные спицы. Обе эти фигуры, такие контрастные, поглотили сразу мое внимание. Каждая из них показалась мне обаятельной по-своему, и я подумал, как бы разнó ни мыслили эти люди, они могут решать какую-то задачу жизни сообща и вливаться в гармонию, дополняя друг друга.

Я только что хотел спросить И., не муж ли и жена они, как услышал громкий и веселый смех Андреевой, которая сказала И. через стол:

– Я же говорила вам, И., что вашего чудо-шило-графа надо было сразу купать в холодном озере. Он уже нашел тему для своего будущего романа, и бедный мистер Ольденкотт попал первым в его герои.

– Не думаю, Наталья Владимировна. Левушка так напуган вами, что скорее будет искать темы для своих работ в других секторах Общины, – юмористически поблескивая глазами, ответил И.

Несмотря на внешнюю грубоватость, от Андреевой так и веяло мощью доброжелательства, когда она смотрела на меня. Я внутренне сразу с ней сдружился, чему и сам теперь удивлялся. Впервые я ясно понял, что у Андреевой не было внешнего такта; но ее мудрость была выше, чем у всех, кто сидел с ней рядом. Я улыбнулся и, нисколько уже не боясь ее глаз, сказал:

– Не знаю, что было бы, если бы И. приказал мне искупаться в холодном озере. Но теплое озеро породило во мне одно желание: сделаться вашим пажом.

Не только. И., Ольденкотт, Синецкий и леди Бердран, но и сидевшие подальше за нашим столом не могли удержаться от смеха. Кастанда, подошедший к И. спросить, какой диетический стол он мне назначит, смеялся до слез. Наталья Владимировна выждала, пока ее соседи успокоились, и снова сказала своим четким, резковатым голосом, необыкновенно молодым для ее лет:

– Левушка, запомните хорошенько этот день и этот смех. Он мне будет большим оправданием, когда Али придет сюда и спросит меня, что я сделала для человека, пожелавшего добровольно стать моим пажом. Общий смех моих друзей говорит о том, в какой тирании я держу моих юных приятелей. Но кончается дело всегда так, что юные приятели забирают меня в лапы, и я служу им объектом для их проказ либо забав.

Я мало понял, что скрывалось за общим смехом и в чем состояла соль слов Андреевой. И. весело смотрел на меня, заставляя меня есть салат из зелени, потом какую-то особенно вкусную кашу и, наконец, прекрасный кофе, по которому я соскучился за долгое время нашего путешествия, получая всюду какао или шоколад.

Рядом со мною сидел высокий, стройный, гладко выбритый молодой человек по имени мистер Черджистон. Он оказался по образованию математиком, но в данное время занимался историей. Он тоже был в Общине впервые и приехал сюда только несколько недель тому назад. Я почувствовал, что он еще не освоился здесь. Мистер Черджистон имел от кого-то письмо к И., о чем я тут же сказал моему другу.

– Да, я знаю, мистер Черджистон, ваш друг писал мне еще в Константинополь, что направляет вас сюда. Он просил меня быть вам руководителем здесь, что я с большой радостью беру на себя. Ананда тоже говорил мне о вас. Я привез вам от него письмо и небольшую посылку, – ласково ответил он англичанину.

Никогда не забуду, что произошло с молодым человеком, когда он услышал, что Ананда прислал ему письмо и посылку. Выдержанный, строгий англичанин вздрогнул, покраснел, уронил вилку и салфетку и с глазами, полными слез, чуть слышно сказал: – Неужели Ананда сам написал мне письмо? – Да, мистер Черджистон, и не только сам написал, но и дал мне полные указания, как подготовить вас к свиданию с ним. Когда он сюда приедет, вы должны быть готовы его сопровождать в далекое и долгое путешествие. Ананда просил меня передать вам, чтобы вы постарались побороть свою застенчивость, потому что вам придется много жить в больших суетных городах, среди людей, в постоянном общении с ними.

– Очевидно, мне не суждено жить так, как прекрасно мне бы хотелось, – вздохнул мистер Черджистон. – Я мечтал о монашестве, а попаду в мир, да еще в суету.

Но, чтобы следовать за Анандой, я рад идти каким угодно путем.

Завтрак кончился, мы поклонились нашим соседям и новым знакомым и вместе с англичанином поднялись в наши комнаты.

– Я очень прошу вас, доктор И., и вас, Левушка, зовите меня Альвер, – сказал Черджистон. – Так звали меня самые дорогие мне люди. И я бы очень хотел слышать от вас обоих это обращение.

– Прекрасно, Альвер, мы так и поступим, – передавая ему письмо и посылку, сказал И. – И, если это не нарушает вашей программы дня, приходите через полчаса в парк, к дальнему пруду у столетних пальм. Я намерен провести Левушку к подножью гор, ближних, зеленых, и познакомить его немного с окрестностями, а кстати, чуть-чуть и с ботаникой.

– Как я счастлив, что вы возьмете меня с собой! Я буду у пальм через полчаса.

Альвер вышел, унося с собой свое драгоценное письмо и небольшой ящик, довольно тяжелый.

– Альвер много-много выстрадал в своей жизни, – сказал мне И., когда мы, вооружившись лопатами, огромными войлочными шляпами, ножом и сумкой, вышли в сад. – Его жизнь до последних двух лет была сплошным ужасом в семье мачехи и ее детей, которых он содержал, работая без отдыха. Юноша уже готов был прийти в отчаяние, как его встретил один из учеников Ананды. Он привел его к Ананде, когда тот был проездом в Дувре, и с тех пор Альвер ожил, Ананда же помог ему и сюда добраться.

– Ах, И., как трудно мне здесь собрать внимание. Я хотел бы сразу хотя бы увидеть всех, кто здесь живет. А выходит, что, чуть взгляну на одного, – увязну в нем, забыв обо всех остальных. До сих пор я умел так сосредоточиваться, чтобы и человека – даже очень замечательного – видеть и не упускать из поля зрения всего окружающего. Здесь же моего внимания едва хватает на какое-либо одно лицо.

– Это не потому, Левушка, что ты стал рассеян. А только потому, что внимание твое сконцентрировалось; и сам ты стал более тонко и глубоко воспринимать эманации и вибрации встречаемых людей. Твой организм, его психические и физические стороны закалились по сравнению с прежним, и ты глубже видишь человека. Если ты вспомнишь свои ощущения от встреч с самого выезда из К., ты заметишь, как, тебя постоянно разбивали токи, исходящие от людей. Даже от общения с такими высокими и светлыми силами, как Али, Флорентиец, Ананда, тебя постоянно приходилось подкреплять соками трав и растений в виде конфет, пилюль, капель. Теперь же ты забыл о существовании всех этих средств в такой бурной встрече, как встреча с Андреевой. А между тем, именно она могла бы подействовать разрушающе на твое спокойствие. И это еще может случиться в дальнейшем. Заметил ли ты, что американка, давно уже живущая подле нее, старается держаться в некотором отдалении от Натальи Владимировны? Подле Андреевой с самого ее детства все окружающие испытывали беспокойство, а предметы плясали, как только она к ним приближалась. Ее и сейчас не впускают в электролечебные кабинеты. Электрические приборы от одного ее приближения портятся, не выдерживая той колоссальной силы электричества, которую излучает ее организм. В ней обнажены все

ее психические силы. Она из тех внезапно обновленных людей, в ком Вечность сразу поглотила их животное начало и возвратила им все их прежние таланты и знания. Но сила божественного огня не течет в ней в гармонии с огнем Земли.

Он вырывается из нее языками, хотя всегда огонь Света его превосходит и подавляет. Но потому, что оба эти огня не переплетаются в ней в гармонию, она и сама подвержена раздражению, и других может заражать неустойчивостью.

И все же ты остался перед нею в полном самообладании, хотя она увидела и прочла в твоей ауре все твои особенности.

К нам подошел Альвер, которого мы уже несколько минут поджидали, стоя среди совершенно сказочной красоты, в тени столетних пальм, окружавших пруд и отражавших в нем свои огромные кроны. По воде плавали белые и черные лебеди, а между пальмами стояли красноватыми кучками розовые фламинго и еще какие-то никогда мною не виданные птицы.

Вдали среди пышной зелени виднелось несколько домиков и расхаживали, важно распускавшие чудесные хвосты, белые павлины. Мимо нас проходили люди в белых коротких одеждах. Все они, очевидно, хорошо знали И., как и он их. Я поражаюсь его памяти. Каждого он приветствовал по имени, каждому задавал вопросы совершенно разные. Но результат этих вопросов был всегда один и тот же: лица людей озарялись, на них, точно луч света, мелькали радость и бодрость.

Пока мы медленно проходили по тенистому парку, я мысленно вздыхал: какой колоссальный разрыв был между мною и И. в наших знаниях, силах, талантах, наконец, в любви! Где мог брать И. такой неугасимый костер этой любви, чтобы не расточить и не опустошить сердце теми потоками внимания и теплоты, которыми он буквально обливал каждого, кто нам встречался?

– Ну, Левушка, в Общине нет места унылым мыслям. Сюда попадают только те, кто победил в себе все возможности отрицать и скорбеть, унывать и жаловаться. Брось всякого рода сомнения и приготовься к первому опыту пустыни. Как только мы выйдем из тени парка, зной набросится на нас со всех сторон.

И. надвинул мне глубоко на голову мою огромную войлочную шляпу и спустил сзади на плечи вуаль, которой я даже не заметил на шляпе. И действительно, лишь только мы шагнули за калитку сада, я почувствовал себя в огненной печи.

Я оценил внимание Яссы, давшего мне высокие закрытые сандалии на толстенных подошвах. Песок, которого я случайно коснулся, был горяч как угли. Пот лил с меня градом, вся моя одежда была мокра, тут же высыхала, снова взмокала, от меня шел пар. Я так ошалел, что едва доплелся до подножья гор, с которых там и сям катились ручьи и били ключи, орошая прекрасную растительность, траву и цветы. И. указал мне несколько кустов дикой ежевики, громадной, спелой, под тяжестью которой свисали вниз ветви. Я набросился на нее и говорил, что в жизни ничего вкуснее не едал.

– Ну, а дыня? Разве ты не мудрец? – смеялся И. Внезапно я вскрикнул, чуть не наступив на выползшую из-под моих ног змею.

– Это не змея, – сказал Альвер, преспокойно беря в руки отвратительно шипевшего гада. – Это уж, Левушка, он безобидный. Вот на днях я действительно был потрясен странствующим укротителем змей, которого Кастанда велел накормить обедом, и он в благодарность показал нам целый спектакль со своими кобрами и с большой гремучей змеей. Змеи повиновались его заунывной игре на дудочке, сначала изображали нечто вроде танца, вытягиваясь вверх и качаясь на своих хвостах, что лично мне было отвратительно. Потом они стали все сразу набрасываться на своего хозяина. Многие из нас перепугались, думая, что хозяин будет задушен своими змеями. Но он преблагородно продолжал играть, а змеи повисли на его шее, руках, ногах и бедрах, как шевелящиеся ожерелья. Я смотрел как зачарованный и не мог постичь, в чем тут была власть человека над этими чудовищами, укусы которых нес неизбежную

смерть через несколько минут. Наконец хозяин отправил змей в корзины и мешки, оставил только одну змею и предложил кому-либо из желающих взять ее в руки. Он уверял, что того, кто бояться не будет, змея не укусит. Ольденкотт уже протянул было руку, чтобы взять змею. Но Андреева резко схватила его за руку и не менее резко ухватила змею и бросила ее хозяину. Все это произошло так молниеносно, что никто и опомниться не успел.

«Разве Али прислал вас сюда, чтобы вы учились шарлатанству?» – закричала Андреева таким громким и властным голосом, из глаз ее так и брызнули искры, что многие из нас даже попятнулись. Змея, отброшенная так непочтительно, стала бешеной. Да и все остальные змеи начали грозно шевелиться в своих мешках, к счастью, уже завязанных. Хозяин же закричал что-то Кастанде на непонятном мне языке, по всей вероятности, мало почтительное. Кастанда передал Андреевой, что хозяин упрекает ее в том, что она разбудила злого духа в змее и что теперь, если она сама же его не укротит, змея непременно кого-либо укусит. Но вину он на себя не берет, потому что над злым духом он не властен. Андреева вдруг сказала ему на его же языке несколько слов, которые нам перевел Кастанда: «Бери сейчас же свою змею и убирайся сам немедленно отсюда. Если промедлишь пять минут, я посажу тебе на голову рога от того оленя, что бежит сюда». Не описать никакими словами, что случилось с гордым и заносчивым хозяином змеи. В один миг он сгреб бесившуюся змею, сунул ее себе за пазуху, схватил мешки и корзины и стал улепетывать не хуже оленя. Он бормотал какие-то заклятия и с ужасом смотрел на Андрееву.

– Я бы очень просил вас, Альвер, бросить этого несносного ужа, – жалобно сказал я. – Я не Андреева, не могу властно кричать, но ваш уж мне так надоед, что я, чего доброго, побегу вроде хозяина змей.

Я насмешил своих спутников, но зато легко вздохнул, когда англичанин выпустил ужа в траву. Подойдя к И., я спросил его, почему он мне не сказал, что в горах много змей.

Потому, Левушка, что здесь увидишь не только змей, но и тигров, и львов, которых тоже научишься не бояться. А пока давайте-ка, друзья, срежем эту траву и вот эти цветы да соберем листья с тех дальних кустарников. Сегодня последний день, когда их можно собирать для лекарственных целей.

И. показал нам, как осторожно надо срезать траву, не задевая земли, как, наоборот, надо брать цветы с корнями и землей и как аккуратно срезать только молодые листья с кустарников.

Казалось, работа была легкая. Но раньше, чем моя и Альвера сумки были наполнены, мы истомились до отказа. Если бы не боязнь змей, я бы давно уже улегся на траве. Сумка же И. была полна, с трудом закрывалась, и сам он был свеж и прекрасен. Он поглядывал на нас, по обыкновению поблескивая смеющимися глазами. Мне очень хотелось спросить его, что он думает об Андреевой, но он мурлыкал песенку, говорил, что пора мне учиться играть и петь, а то я останусь навеки музыкальным невеждой, и, не дав нам отдохнуть, заявил, что пора двигаться домой, не то опоздаем к обеду. Никакие мои мольбы об отдыхе не помогли. И., смеясь над моим страхом обратного перехода по зною, намочил мою шляпу в ручье, снова напялил мне ее на голову и забавлялся моим жалобным видом.

– Да ведь это напоминает дервишскую шапку. А ну как я опять заболēju?

И еще веселее засмеялся, схватил меня за руку и пустился бегом вниз.

Только теперь я понял, почему я так устал, карабкаясь за травами вверх по горе. Трава была скользкая. Но всю ее скользкость я понял сейчас, когда бежал за И. вниз. Я, собственно, не бежал, бежал он, а я скользил, как на лыжах, уцепившись за его руку и плечо. Спуск продолжался, вероятно, несколько минут, но они показались мне часом Дантова ада. Я так и думал, что споткнусь о какую-либо кочку и буду лежать со сломанной ногой или рукой.

Когда мы благополучно остановились внизу, у И., щеки которого покрылись румянцем, глаза блестели не хуже солнца, был такой счастливый, радостный вид, что я не смог вымолвить ни одного слова упрека, хотя собирался выпалить их сразу сто и заявить ему, что я так

больше не играю, что летать с гор не желаю. И. оглянулся назад, куда посмотрел и я. Посреди горы, беспомощно держась за ствол дерева, стоял Альвер. Большой, широкоплечий, он, очевидно, застыл от изумления, наблюдая наш полет валькирий. Вся его фигура с широко открытым ртом была так уморительна, что я подскочил на месте и хохотал, забыв все на свете.

И., как кошка, в одно мгновение очутился возле Альвера. Взяв его на плечо, он победоносно шел вниз, как будто бы нес птицу. От смеха я перешел к молчаливому изумлению, потом снова к смеху, пока И. не сказал, что велит Альверу принести ужа, чтобы привести меня в равновесие.

Альвер сам был так ошарашен, что не мог прийти в себя, поэтому я не боялся его змей. Я уцепился за И. и почти половину дороги давился от смеха.

Должно быть, воспоминания о картинах произошедшего на горе, их юмористичности и об еще одном неведомом мне доселе качестве И., вызвавшем во мне восторг, – его ловкости – захватили меня, и я совсем забыл, что идти надо так далеко, что нас палит зной и засыпает пыль, поднятая проходившим караваном живописных верблюдов. Когда мы вошли в тень парка, И. повел нас совсем другой дорогой. Альвер, удивленно оглядываясь, сказал:

– Как странно, доктор И., я здесь уже вторую неделю, а совсем не видел ни этой части парка, ни тех прелестных домиков вдали. Они точно игрушечные, белые, блестящие. Что это за селение?

– Этой части парка вы не видели потому, что с большим парком она соединяется узкой тропой, через ущелье. Вы, вероятно, подходили к ущелью и думали, что тут конец всей Общине. Но тут-то, собственно, и начинается деятельность Общины. Ряд домов, о которых вы спрашивали, – это первая детская колония. И таких колоний у Общины десятки. Они расположены вокруг парка и по течению реки. Дальше высится школа, а на самом краю селения, направо, – больница. Налево – приют для глухонемых и их школа. Через некоторое время, когда вы оба с Левушкой попривыкнете к климату и езде верхом на верблюдах, я возьму вас с собой в путешествие недели на три – четыре, а может быть, и больше. Мы объедем всю Общину. Вы познакомитесь с трудом тех, кто не только проводит здесь ряд лет, но живет постоянно.

Двинувшись дальше, мы очень скоро пришли к горной расселине, и мне показалось, что хода дальше никуда нет. Но И. обогнул огромный камень, и я увидел за ним прелестную тропинку, точно ложе высохшего ручья. Идя вдоль по ней, мы вышли к противоположной стороне расселины, представлявшей из себя сплошную стену. Вдруг И. нагнулся, шагнул в грот, видневшийся с левой стороны, и через минуту мы стояли у тех же столетних пальм, откуда начали наше путешествие, только совершенно с другой стороны озера. Я оглянулся назад и не мог решить, из какого же отверстия горы мы вышли. Целый ряд пещер, одинаково завитых лианами, розами и еще какими-то вьющимися растениями, был за нами. Но раздумывать было некогда, так как, сойдя к пруду раньше нас, И. отвязал маленькую лодку, и мы переплыли пруд, причем ни лебеди, ни фламинго и не думали бояться нас.

Мы очень точно вернулись к обеду, успев принять душ и переодеться. Когда мы сели на свои места в обеденной столовой, которую я видел в первый раз, я заметил, что здесь все столы были круглые и соседи наши по столам были все те же. За соседним столом я встретил пристальный взгляд Андреевой. Сцена со змеей мне так ясно нарисовалась, особенно когда Ольденкотт серьезно отодвигал кресло своей соседке и заботливо собирал ее вещи, всюду ею оброненные, и складывал их на специально для вещей приспособленные в стороне полки. Я заметил, что спицы больше не торчали из ее зонтика, и с умилением подумал, что это он сам их ей пришил, как заботливая нянька.

Я забыл сказать, что креслица во всех столовых были одного типа – пальмовые или бамбуковые стволы были затянуты буйволиной кожей, легко складывались и раскладывались, были устойчивы и удобны. Они были довольно низки, как и столы. Все столы были покрыты белыми чистыми скатертями, всюду стояли в вазах цветы. Вазы были из керамики местного производ-

ства, все разные, и показались мне художественными. На каждом столе стояло по несколько кувшинов с молоком, и кувшины не отставали в красоте от ваз.

Обед проходил спокойно, никакой суеты не чувствовалось, несмотря на огромное количество обедавших людей. Ни за одним табльдотом я не видел такого количества людей, и всюду была суетня. Здесь же у каждого стола были свои подавальщики, а за столом все обслуживали себя сами.

Еще раз меня поразила особая атмосфера этой толпы людей. Манеры были далеко не у всех элегантны, как у польского рабочего Синецкого. Внешний вид людей был самый разнообразный. Но по скольким бы лицам ни пробежал мой взгляд, все они были значительны, на всех лежала печать духовности и от каждого из них веяло добротой и миром. Только несколько лиц, среди которых было и лицо прекрасной американки, леди Бердран, были печальны, даже более того – как-то скорбно прекрасны, что подчеркивалось радостностью остальных.

Не успел я отчетливо задать самому себе вопрос, почему эти несколько лиц носят такое особенно глубокое и вдохновенное выражение скорби, как услышал неподражаемый голос и своеобразный акцент Андреевой, говорившей мне:

– Советую вам, достопочтенный и любознательнейший граф, не забегать вперед. Завтра, если вам угодно, я отвечу вам на ваше «почему» очень точно. А сегодня сосредоточьте ваше внимание на радостях. Если вам угодно, можете присоединиться к нашей экскурсии за дынями после обеда.

Тут я переполошился. Я уже привык, что на мои немые вопросы я получал мгновенно ответы И. или Флорентийца, Ананды или сэра Уоми. Но чтобы под мою черепную коробку заглядывала еще и эта женщина со своими «электрическими колесами», я совершенно не желал. Я посмотрел на сидевшего со мной рядом И., но он, казалось, не слышал и не замечал моего к нему обращения.

– Мы с вами еще не были представлены друг другу, – улыбаясь, сказал мне Ольденкотт. – Моя приятельница, Наталья Владимировна, говорила мне о ваших талантах. Вы не обращайте внимания на ее шутки. Она ни в какие рамки общечеловеческих пониманий не уместается и иногда озадачивает людей. Но на самом деле она предобрая, если не относиться к ней как к обычной женщине, а признать в ней сразу нечто волшебное, то подле нее чувствуешь себя в полном спокойствии и безопасности. Правда, она не очень любит змей, но уж с этим надо примириться, – прибавил он, притворно вздыхая и бросая лукавый взгляд на свою соседку.

Общий веселый смех, а также просьбы нескольких соседей взять их с собой на дынное поле избавили меня от ответа. Я посмотрел на Альвера, который тоже смеялся и шепнул мне:

– Соглашайтесь идти собирать дыни. Это недалеко. Идти парком, поле почти рядом. Дыни превосходные, аромат замечательный. А главный интерес в том, как она их выбирает. Она сама будет сидеть в тени, почти не смотря на поле, и назначать, какие дыни снимать. Сам старший садовник и огородники поражаются, как она это делает, точно насквозь каждую дыню видит.

Я подумал, что моя новая знакомая этак, пожалуй, и сквозь Землю видеть может. Вдруг И. повернулся ко мне и совершенно серьезно меня спросил:

– А ты, Левушка, думаешь, что сквозь Землю видеть нельзя?

Я оторопел и даже не знал, как мне принять и понять его вопрос. Тут все стали вставать с мест и убирать к стенкам свои кресла. Я уцепился за И., мне не хотелось никуда идти, а надо было побыть в тишине с моим дорогим другом или хотя бы одному, чтобы привести в порядок разбегавшиеся мысли.

– Я думаю, Левушка, мы с тобой не дойдем за дынями, а я покажу тебе любимую комнату Али. Когда Али приезжает сюда, он всегда там живет. Туда вход никому не разрешен без него. Но Кастанда получил приказание Али дать тебе возможность проводить в его комнате времени

столько и тогда, сколько и когда ты захочешь. Вот идет нам навстречу и Кастанда, очевидно, он несет тебе ключ.

– Я получил приказ, Левушка, от моего любимого Учителя и господина этого дома вручить вам на второй день вашего приезда ключ от его комнаты. Вы можете там проводить столько времени, сколько вам угодно. За все время моей жизни здесь – скоро этому будет двадцать лет – только второе лицо получает право свободного входа в эту комнату в первый свой приезд в Общину. Первым был Али-молодой, вторым являетесь вы. Очевидно, у Учителя есть веские основания для оказания вам такой великой чести. Примите мои поздравления и мое почтение и считайте меня в числе ваших усердных и радостных слуг. Я рад служить вам так, как я служил бы ему самому.

Кастанда низко поклонился, я же, совершенно сконфуженный и тронутый, воскликнул:

– Али не мне оказывает честь, а делает это из великого снисхождения ко мне и любви к моему брату. Я же ничем еще не мог заслужить такой исключительной доброты Али к себе. Если сейчас мне оказывается это чудесное, исключительное внимание, то, очевидно, мой великий друг Флорентиец просил об этом Али. Мне было бы очень горестно, если бы вы подумали, что я достоин сам по себе этой чести. Я здесь только скромный слуга моего брата, самого Али и моего наставника И. Возьмите ключ, И., я буду пользоваться комнатой только с вашего разрешения.

Я подал ключ И., но он его не взял, а, наоборот, обнял меня и сказал:

– Дерзай, Левушка, учись нести бремя счастья и несчастья одинаково легко.

Мы подошли не к большому дому, а к маленькому двухэтажному коттеджу с башенкой и балконом, стоявшему среди могучих пальм, как на отдельном острове, куда надо было проходить по мостику над речкой, опоясывавшей весь островок кольцом. Само место было очаровательно, уединенно, поэтично. Белый домик был сложен из какого-то особого камня, гладкого, блестящего и похожего на белый коралл. Кругом царил тишина и чистота, скакали белочки на высоких кедрах, чирикали птички. Белый павлин бежал нам навстречу, точно хотел нас приветствовать.

У подъезда дома нас встретил старый беззубый слуга в азиатском платье и чалме. Увидав в моей руке ключ, он распахнул, кланяясь, двери подъезда. Мы вошли в сени и поднялись по такой же, как наружные стены дома, лестнице на верхнюю площадку и очутились у двери, которую И. велел мне открыть ключом.

Слов, чтобы описать мои чувства, когда я открывал дверь, мне не найти. Я точно стоял у заветной черты и видел жгучие, живые глаза Али. Я как бы слышал его голос, говоривший мне:

– Есть жемчужины черные – то ученики, идущие путем печалей и несущие их всем встречным. То не твой путь. Есть ученики, несущие всем розовые жемчужины радости, и этот путь тебе определен. Иди, мой сын, привет тебе, будь верен и чист.

Я думал, что вновь брежу, но прислушался четче и явственно различил властный, с характерным тембром голос Али-старшего:

– Если встретишь скорбный лик ученика, идущего путем печалей, возлюби его вдвое и подай всю силу своей бодрости и энергии ему в помощь. Ибо путь его самый тяжкий из всех подвигов Любви на земле.

Сколько слов пришлось мне сейчас сказать, чтобы передать все тогда понятное и услышанное. А на самом деле все это промчалось как молниеносный вихрь сквозь меня, сотрясая мой организм, уничтожая всякое расстояние между мною и Али, сливая меня с его мыслью каким-то чудесным и непонятным мне тогда образом.

Наконец тяжелая дверь распахнулась, и мы вошли в комнату. Сразу же против входной двери была широко открыта дверь на балкон, и по обе ее стороны были настежь открыты окна. Все это разделялось такими узкими простенками, что возникало впечатление, будто смотрю сразу на весь мир. Широчайший горизонт на долину, горы, раскованные селения, мечети,

стада, сады, куда только хватало глаз – всюду была жизнь, всюду взор попадал на какую-либо красоту, от которой невозможно было оторваться. Долго стояли мы с И. молча на балконе.

– Посмотри на комнату, Левушка, и я переведу тебе надписи, которые ты увидишь на стенах.

Мы вошли в комнату. Несмотря на жаркий день, в ней не было душно, так как восточное солнце уже ушло, а от западного и южного она была защищена лестницей и башенкой. Гладкие белые стены внутри, такой же пол – ну точь-в-точь коралловый домик! То, что я принял за бордюр, оказалось надписями, сложенными из кусочков того же камня, что и пол, и весь дом.

– Запомни, Левушка, первую, главную надпись над балконной дверью и окнами. Здесь написано:

«Сила человека – Любовь. И она мчит его из века в век. Сила-Любовь рождает человека и рождается в нем тогда, когда гармония его созрела. Любовь – Гармония, и путей человеческих к ней семь».

Пока знай только эту надпись. Ты дал слово себе изучить языки Востока. Кроме них, ты должен знать этот язык пали, на котором сделаны здесь надписи. Этот язык открывает дверь к знанию тем, кто в нее стучится.

Я с благоговением смотрел на загадочные знаки надписей и думал: «Найду ли ключ к двери знания?»

По стенам комнаты стояли низкие белые диваны. У широкого окна, как и у камина, стояло по креслу. Кресло у камина поразило меня своей формой. Оно было прекрасно как художественная форма, без сомнения, очень и очень древнего происхождения, из грубых стволов какого-то темного, почти черного дерева. Оно одно только и выделялось темным пятном в этой девственно белой комнате. Обито оно было шкурами, должно быть, тоже очень старинными. Шерсть почти вылезла, оставив одну кожу толщины мною невиданной.

У окна с левой стороны стоял письменный стол белого дерева, закрытый прекрасной крышкой, очевидно, раздвигавшейся в стороны и похожей на большущие пальмовые листья. Я чувствовал себя здесь не совсем свободно. Меня сковывало благоговение, точно я стоял в храме. Я ни за что не согласился бы сесть на что-либо в этой комнате, так недостижимо высоким казался мне сейчас ее хозяин. Я даже говорить не решался, только потянул И. за рукав и показал глазами на дверь, молча приглашая его выйти отсюда.

Он улыбнулся, оглядел еще раз всю комнату, как бы посылая привет всем непонятым мне надписям на стенах, и мы вышли, закрыли дверь молча и так же молча прошли через весь островок и парк к себе домой. Белый павлин и восточный слуга провожали нас до мостика, и павлин на прощанье распустил свой дивный хвост, сверкая его золотом и лазурью, и наклонил голову с хохолком, точно говоря: «До свиданья». Когда мы вошли в наши комнаты, И. сказал мне:

– Приляг и отдохни до чая. Здесь тебе пока нельзя переутомляться. Надо постепенно закалиться для этого жаркого климата.

Я не возразил ни слова, хотя совсем не хотел ни лежать, ни спать. Сначала жара подавляла меня, но затем я заснул и проснулся только от зова Яссы, будившего меня к чаю. Я догнал И. уже внизу лестницы в обществе двух мужчин, которых я еще не видал. Один был светлый блондин, типичный швед, каковым и оказался. Звали его Освальд Растен. Он на вид казался юношей, и я удивился, когда узнал, что он уже второй раз в Общине. Второй собеседник был брюнет, француз Жером Манюле.

Насколько речь первого, его манеры, походка были размеренно спокойны, настолько второй был подвижен, как ртуть. Походка, движения, речь – все выказывало в нем огромный темперамент, но суетливости в нем не было никакой: все дышало доброжелательством, веселостью и легкостью. Глаза его были темными и не особенно большими, но с красивым разрезом, свер-

кали умом, часто пристально и внимательно вглядывались. Он мне показался писателем, что после и подтвердилось.

Швед был из купеческой семьи, вопреки желаниям родни выбрал научную карьеру и имел уже кафедру по истории в одном из немецких университетов.

Когда И. познакомил меня с ними, оба одновременно воскликнули: – Как? Капитан Т.? – Нет, – ответил я. – Я его брат.

– Вы вскоре прочтете рассказ Левушки и будете рады принять в число своих друзей еще одного юного писателя и будущего ученого, – улыбаясь, сказал им И.

Каждый из новых знакомых назвал меня «коллегой», и по дороге в чайную столовую оба мои знакомые представили меня еще двум молодым и одной пожилой даме. Но не молодые и красивые дамы поразили меня, но седая старая дама.

Первой мыслью, когда я ее увидел, была: «А говорят, что старуха не может быть красивой, женственной и обаятельной». На высокой, чуть полной фигуре красовалась – именно красовалась, я не подберу другого слова, – прекрасная седая голова. Загар не портил правильного лица, большие черные глаза и черные же брови подчеркивали седину. Морщин не было, лицо было моложаво. Но в глазах и улыбке было так много скорби, что у меня встали перед глазами слова Али, когда я шел в его комнату: «Если встретишь скорбный лик ученика, идущего путем печалей, возлюби его вдвое и подай всю силу своей бодрости и энергии ему в помощь. Ибо путь его самый тяжкий из всех подвигов Любви на Земле».

Я низко поклонился старой даме и горячо поцеловал протянутую ею руку. И эта рука, как рука Андреевой, была тонкая и дружеская. Но форма ее была почти совершенна. Пальцы говорили, что она художница. И здесь моя догадка оказалась верной. И. назвал ее Беатой Скальради и сказал, что синьора Беата художница, итальянка, взяла уже не один приз почти на всех выставках мира. Ее картины висят во многих картинных галереях столиц.

Пока меня представляли еще нескольким дамам, имена которых не удержались в моей памяти, так я был поглощен впечатлением от художницы, из боковой аллеи к нам подходил худой человек с не очень молодым, изможденным лицом аскета. Он, очевидно, спешил к И. Швед Освальд Растен шепнул мне, что это крупнейший пианист и композитор мира, русский, Сергей Аннинов. Пока обе знаменитости шли по бокам И., возглавляя нашу группу, Жером Манюле шепнул мне:

– Сергей Аннинов живет не в Общине, а в одном из маленьких домиков в парке. Али предоставляет ему не первый раз отдых здесь. Он очень нервен, приходит сюда очень редко. Но когда он играет по вечерам, он разрешает всем желающим не только слушать его, но и заказывать ему любые пьесы. И как же он играет! Лучше ничего представить себе нельзя.

И синьора Скальради, и Аннинов сели за наш стол. Я не принимал никакого участия в общем разговоре. Сидя поодаль, я вглядывался в лица новых знакомых. Художница нравилась мне все больше и больше. Ее итальянская певучая и медлительная речь напомнила мне, как однажды Флорентиец представил мне, как говорят его соотечественники. Эта речь не была похожа на быстротечную скороговорку синьор Гальдони, которых я едва понимал. У синьоры Беаты я разбирал каждое слово, что еще больше располагало меня к ней. Но Аннинов оставался для меня загадкой. Его аскетическое лицо, изрезанное морщинами, живые глаза, резкие движения, какой-то протест в лице, точно возмущение против чего-то, что его давило, – все казалось мне таким далеким от гармонии, что снова я вспомнил Али, но теперь уже слова надписи на стене загорелись в моей памяти: «Сила-Любовь рождает человека и рождается в нем тогда, когда гармония его созрела».

Я рассуждал сам с собой, что если он дивный, известный всему миру музыкант, то он должен творить в гармонии. Иначе ни его произведения, ни его исполнение не покорили бы мира. А разве это лицо может быть хотя бы спокойным?

Аннинов внезапно умолк, взгляд его улетел куда-то в пространство, морщины на лице разошлись. Мудрость разлилась по его лицу, он как бы вслушивался во что-то недоступное другим. Глаза его ярко загорелись, на бледных щеках заиграл румянец. Он вдруг стал совершенно неузнаваем и прекрасен.

– Простите, дорогой, до завтра. Я слышу, меня зовет моя муза. Вы вдохновили меня, я бегу писать. Приходите завтра вечером и приводите своих друзей. Я сыграю вам то, что сейчас шепнула мне моя муза Гармония.

И Аннинов, проговорив торопливо эти слова и отставив чашку недопитого чая, быстро вышел из столовой.

Я сидел в самом глубоком состоянии «ловиворонства» и не мог оторвать глаз от двери, за которой исчез музыкант.

– Ну что же, шило-граф, – раздалось подле меня, и чья-то пудовая, как мне показалось, рука легла мне на плечо. – Я ведь говорила вам, что не надо упреждать событий. Гораздо лучше было бы собирать дыни, чем резать шилами тончайшую материю. Вот вам дыня – первый сорт. И каждый кусок ее прибавляет пуд мудрости.

Андреева продолжала держать руку на моем плече, я изнемогал под ее тяжестью, даже пот покатился у меня со лба. Еще бы минуту – и я, несомненно, упал бы в обморок. Я уже начинал чувствовать тошноту и головокружение. Но И. очутился подле меня, его нежная рука уже обнимала меня, он подносил к моим губам чашку.

– Левушка еще не совсем окреп после тяжелой болезни, Наталья Владимировна. Он не может еще и не должен принимать ударов вашей силы. Вы же не всегда умеете защитить человека от тяжести ваших вибраций. Сегодня уже второй случай вашей неосторожности. Леди Бердран пришлось лечь в постель.

Голос И. был тих и мягок. Но мне чудилось, что Андрееву он бил тяжелее, чем давила меня ее рука минуту назад. Мне было так жалко ее, что я ухватился за руку И. и сказал ей:

– Мне теперь совсем хорошо, Наталья Владимировна. Виновата вовсе не ваша рука, а дервишская шапка, которую Али однажды напялил мне на голову. Я тогда заболел и с тех пор не могу еще поправиться. Простите меня, пожалуйста, за причиненное вам беспокойство. Я буду рад поумнеть от вашей дыни.

– Дитя мое, прости, дружок, – тихо и ласково сказала Андреева, и я чуть снова не впал в «ловиворонство». Я и представить себе не мог, чтобы властный, резковатый, с повелительными интонациями голос этой женщины мог быть таким ласковым, мелодичным и непередаваемо добрым.

Все же довольно долго я не мог еще встать на ноги, и добраться до дому с помощью И. было задачей нелегкой.

Ясса продержал меня в ванне довольно долго, растер и уложил в постель. Я выпил капель, данных И., и был огорчен, что первый день моей жизни в Общине закончился для меня довольно печально.

Глава II

Второй день в Общине. Мы навещаем карлика. Подарки араба. Франциск

Заснув с вечера с большим трудом, я проспал всю ночь так крепко, что даже ни разу не просыпался, пока Ясса не разбудил меня, сказав, что И. уже поджидает меня идти купаться.

Едва открыв глаза, сразу же впившись в чудесный пейзаж, я с трудом сообразил, где нахожусь. От длительного путешествия, превратившегося в привычную манеру жить, я научился считать, что каждый день – это только своего рода поход. А в эту минуту я сразу осознал, что приехал сюда надолго, что я наконец дома. Быстро надев свой более чем несложный туалет, я ясно отдал себе отчет, что не могу и не должен терять ни минуты попусту, в бездействии. Что за весь вчерашний день, если не считать нескольких маленьких знаний по ботанике, я ничего не приобрел и ровно ничего не выполнил из своих обетов по изучению восточных языков.

Что же касается надписи в комнате Али, которую я отчетливо видел перед собой, – стоило мне только сосредоточиться на ней мыслью, как всего меня наполняло чувство радости, что язык пали станет мне ключом к тому откровению, что написал Али на стенах своей комнаты. Весь под впечатлением желания скорей, скорей учиться, я ворвался бурей к И., который что-то писал, сидя за столом, и выпалил сразу:

– И., дорогой, я уже весь вчерашний день потерял зря. Дайте мне скорее книги, чтобы я мог учить необходимые мне языки. Прежде всего, конечно, пали, а потом и остальные. Брат Николай говорил мне, что я способен к языкам. Я тогда, правда, не болел так много, но, может быть, мои способности не заглохли. Дайте только скорее книгу.

И. спокойно положил перо на стол, посмотрел, улыбаясь, на мои волосы, которые я забыл причесать, на небрежно подвязанные сандалии и ответил:

– Очень похвально твое прилежание, Левушка. Но кто же тебя освободил от самых элементарных обязанностей быта, в условностях которого ты живешь сейчас на Земле? Твоя голова растрепана, на тесемки туфель ты наступаешь, и почему встречающиеся тебе люди должны страдать в своих эстетических чувствах, натываясь среди такой дивной красоты природы на неряшливо одетое, непричесанное существо? В твоей комнате стоит большое зеркало не для того, чтобы ты проходил мимо него, а для того, чтобы ты выходил из своей комнаты на люди, приведя в полный порядок свою внешность. Это первая из условностей, от которой тебя никто не освобождал. Не о себе ты должен думать, оправляя перед зеркалом складки своего платья, но о людях, для которых твоя внешность может быть предметом раздражения, если неряшливость бьет в глаза или ты смехон в своей одежде. Запомни, друг, что в нищету впадают чаще всего неряшливые. И даже высокоразвитым духовно их неряшливость мешает продвигаться вперед в духовном пути. Всякая неприбранная комната отвратительна высоко развитому и чистому человеку. Вторая условность: «Здравствуй», которое говорят люди друг другу, – кто же освободил тебя от этой общепринятой вежливости в Общине? Здесь ты еще глубже должен понять это слово, как привет любви, как поклон огню и Свету в человеке. Это не только простая условность внешней вежливости для тебя, но осто́в твоего собственного доброжелательства, которым ты обливаешь всего человека в момент встречи с ним.

Начинай, мой дорогой друг, через все привычные людям щели их условного общения друг с другом вносить свое высокое благородство. Становись звеном духовного канала, общаясь в тех формах, которые не отталкивают людей и не затрудняют восприятие твоего образа, а привлекают их.

Мне было очень совестно за мое легкомыслие. Я взглянул на себя в зеркало и совсем переконфузился. Мои отросшие кудри торчали во все стороны и делали меня похожим в моей

длинной белой одежде, надетой и подпоясанной кое-как, на юродивого. Что же касается И., к которому я ворвался, как буря, не постучавшись и даже не извинившись, что я помешал ему заниматься, то только сейчас я понял, как эгоистические мысли о себе одном закрыли все, что меня окружало. Мне что-то понадобилось, я сорвался в погоню за ним, а что делалось вокруг – до того и дела мало. Я готов был уже броситься вон из комнаты, совершенно расстроенный, как ласковая рука И. меня обняла.

– Не спеши сейчас огорчаться, Левушка, как минуту назад спешил за книгой, забыв все на свете. Чтобы победить и добиться чего-то, надо видеть каждую минуту все вокруг себя, а не выключаться из окружающих условий, видя только один узкий сектор своих действий и рассматривая мир только с высоты своей колокольни, своего личного «Я». Все идут разными путями, но ступени духовного развития у всех одни и те же. Здесь с первых дней обрати свое внимание на неизменную вежливость. Ты и здесь встретишь немало людей, которые покажутся тебе и грубоватыми, и чужаковатыми. Но на это не устремляй внимания, а помни, что твой путь сейчас – путь такта и обаяния. И чтобы его достичь, тебе надо развить вежливость и спокойствие, сделать их своей неизменной привычкой. Иди, мой дорогой, наведи красоту и приходи через десять минут. Я кончу письмо, и мы пойдем купаться.

Я убежал к себе, но теперь я уже так не доверял своим эстетическим способностям, что вызвал Яссу и просил его оглядеть меня с головы до ног.

– Ясса, миленький, я очень неуравновешенный человек. Не выпускайте меня из комнаты, пока не осмотрите меня хорошенько. Я никак не постигну, как завязываются эти сандалии, – молил я моего доброго слугу.

Ясса подал мне другие, закрытые сандалии, говоря, что в них не проникает пыль, да и застегнуть в них надо только две пуговицы. Он обещал мне упростить завязки в другой обуви, мигом подпоясал меня красивым шнуром и уверил, что теперь я причесан и одет как самый настоящий кавалер. Я вздохнул, мысленно пожаловался кому-то, что вчера плохо закончил, а сегодня так же плохо начал мой день, и постучал в дверь к И.

Через минуту мы шли к озеру, накинув на головы мохнатые простыни. Хотя я уже вчера шел по этой дороге, пальмы, магнолии, лимоны и апельсины, бамбуки и гигантские тополя, кедры и платаны – все было уже мне знакомо, но тем не менее я никак не мог взять в толк, что передо мной сама живая жизнь, а не могучая декорация. Наше купанье совершилось без всяких помех и встреч.

– Не хочешь ли, Левушка, пройти со мной к нескольким больным, которых Кастанда просил меня навестить? Это недалеко, сейчас еще рано, мы успеем вовремя вернуться к завтраку.

Я, разумеется, был очень рад и счастлив быть с И. всюду, где ему угодно, и, кроме того, стремился узнать новые места. Мы перешли через мост речку повыше озера и углубились по дорожке не в парк, а в самый настоящий лес. Но как же этот лес был непохож ни на что, что до сих пор я привык называть этим словом. Стволы высоченных, толстенных деревьев, где ветви равнялись хорошей русской сосне или многолетней ели по своему объему, несли здесь такие тенистые кроны, что на дорожке, по которой мы шли, было совсем темно.

Местами лианы совсем сплетались такими плотными цветущими гирляндами, что образовывали непроницаемые завесы. Здесь было прохладно, как в гроте, даже сыровато. Я уже хотел сказать, что, вероятно, такие леса полны тигров и шакалов, как дорожка перед нами сразу просветлела, расширилась и превратилась в большую круглую поляну. На ней стояло несколько белых домиков, похожих на украинские мазанки, как мне показалось сначала. Но, подойдя ближе, я увидел, что они сложены из шершавого камня, пористого, с блестящими кристаллами, очень мелкими. Когда на них падал луч солнца, они напоминали вату, обсыпанную бертолетовой солью, под детскими елками.

Навстречу нам вышла женщина лет сорока, крупная, довольно миловидная, в белой косынке, белом платье и таком же полотняном переднике, на котором был нашит широкий красный крест.

– Здравствуйте, сестра Александра. Кастанда просил меня проведать вашего больного, которого вам доставили вчера. Дали ли вы ему лекарство, которое я вам послал?

– Да, доктор И. Бедняжка успокоился и заснул после вторичного приема. Раны я ему слегка перевязала, как вы приказали.

Сестра Александра провела нас в самый отдаленный домик. В чистой просторной комнате стояло несколько белоснежных детских кроваток, но занята была только одна, и возле нее сидела тоненькая девушка небольшого роста в такой же точно одежде, как и сестра Александра.

– Это наша новенькая сестра, только что окончившая курсы сестер милосердия. – И сестра Александра представила нам очаровательное существо. – Сестра Алдаз – индуска, она умудрилась своими способностями покорить даже нашего милого старого ворчуна – директора курсов, не только всех преподавателей.

Алдаз посмотрела на нас своими темными глазами, большими, светящимися, и напомнила мне икону греческой царевны Евпраксии, которую я видел в одной из древних церквей и которой долго любовался.

Мы подошли к детской кроватке, на которой я ожидал увидеть ребенка, искусанного собакой, судя по предшествующему разговору. Каково же было мое удивление, когда на кроватке я увидел спящим маленького, сморщенного... лилипута. Он был такой старенький и несчастный, что я, разумеется, словиворонил, да так и застыл. Я, должно быть, представлял собой преуморительное зрелище, потому что Алдаз, случайно оглянувшись на меня, не смогла сдержать смеха, и он зазвенел на всю комнату. Сестра Александра строго взглянула на Алдаз, но, увидав меня, и сама едва удержалась от смеха.

Смех Алдаз разбудил карлика. Он открыл свои маленькие глазки, и еще раз я превратился в соляной столб. Глаза карлика были красного цвета, точно два горящих уголька.

И., точно не видя ничего и никого, кроме своего больного, наклонился над карликом, боязливо на него смотревшим. И. сказал ему несколько очень для меня странно звучащих слов. Вот и еще один язык, который я не понимал и который, вероятно, тоже надо было выучить. Если здесь живет несколько родов карликов да еще несколько сект индусов, наречия которых все разные, то, пожалуй, мне не догнать И. даже в языках.

Занятый этой мыслью, я отвлекся вниманием от больного, а когда я снова посмотрел на него, то еле удержал крик ужаса. На маленьком обнаженном теле зияли три раны. Одна тянулась от бедра до самого колена, вторая – от горла до живота и третья – от ключицы до локтя. Тело на ранах было вырвано, точно чьи-то когти его терзали. И. дал несчастному пилюлю и капли. Обе сестры поддерживали тело маленького страдальца, а мне И. велел поддержать его головку, которая падала от слабости. Облив какой-то шипящей жидкостью развороченные раны, И. ловко наложил повязки. Очевидно, карлик не страдал от прикосновения его прелестных рук. Он немного окреп и улыбнулся своему доктору дружески. Когда его положили в другую кроватку, у окна, чтобы он мог любоваться видом поляны, он радостно поднял здоровую руку и, показывая ею на Алдаз, что-то сказал И. на смешном щелкающем наречии. На этот раз я не обеспокоился своею невежественностью, так как обе сестры, как и я, не поняли ни слова и с удивлением смотрели на И.

И. объяснил сестрам, что больной просит, чтобы веселый колокольчик, как он прозвал Алдаз, не уходила от него. И. приказал сейчас же напоить больного теплым молоком с бисквитами и обратился ко мне:

– Сможешь ли ты найти дорогу, чтобы принести после завтрака этому бедняжке лекарство? Или, если думаешь, что тебя съедят в лесу тигры, мне надо поискать другой способ доставки?

– Смогу найти дорогу и уже понял, что тигров здесь нет.

Я внутренне надулся: зачем И. смеется надо мной в присутствии очаровательной Алдаз? Но Алдаз была вся поглощена тем, как развеселить больного, щебетала ему что-то, чего он не понимал, но интонация ласкового женского сострадания доходила до его сердца.

– Очень хорошо, Левушка. Через два часа, сестра Александра, мой друг Левушка принесет вам новое лекарство. Вы его смешаете с молоком и медом и будете давать через каждые полчаса по четверти маленького стакана. Кроме шоколада, бисквитов, киселя и молока – никакой пищи. К вечеру я снова зайду. Если будет обострение болезненности, дайте снова вчерашнее лекарство.

Мы подошли к карлику, он протянул нам свою крошечную, горевшую от жара ручку, потом преуморительно приставил крохотный пальчик ко лбу и сказал: «Макса». Он вопросительно уставился на меня своими красными хитрыми глазками. И. перевел мне его слово и жест. Он спрашивал, как зовут меня, и объяснил, что его зовут Макса. И. велел мне приставить так же палец ко лбу и сказать ему мое имя. Когда я в точности все исполнил и карлик узнал, что меня зовут Левушкой, он по-детски засмеялся, что-то залопотал и защелкал, что И. снова перевел мне как изъяснение его дружбы и удовольствия.

Хотя я был уверен, что найду дорогу, все же старался очень внимательно запоминать все повороты дорожки.

– Я задержался здесь дольше, чем предполагал. Я уже не успею навестить других до завтрака. Хочешь ли ты, Левушка, быстро позавтракать и сходить вместе со мной еще к двум больным? А затем ты бы мог снести лекарство Максе. Или предпочитаешь это время просидеть за книгами?

У И. был совершенно серьезный вид, и никакой искорки юмора не сверкало в его глазах.

– Дорогой мой, родной И.! Если только можно мне быть подле вас, возьмите меня с собой. Я очень мало могу помогать вам, но разрешите мне быть вашим посыльным, вашим носильщиком. Я хочу идти в своей жизни здесь так, как вы видите и знаете. Если я так жажду учиться, то ведь только для того, чтобы скорее стать более достойным вас.

– Ты движешься вперед, Левушка, очень быстро, быстрее, чем возможно для твоего организма. И только поэтому я тебя придерживаю. Хотя мы с тобой только что купались, но после этого больного надо и душ принять, и одежду сменить, раньше чем входить в общую столовую. Я тебе сегодня же расскажу, в чем здесь дело и кто такой Макса.

Пока И. принимал душ, я стоял на балконе и издали видел, как женские фигуры, прикрытые длинными простынями, двигались под горячим солнцем к купальням. Жара мне показалась злее вчерашней, и я с удовольствием думал, как пойду тенистым, прекрасным лесом и увижу не менее прекрасную Алдаз. Наконец, приведя себя после душа особенно тщательно в порядок и подвергшись осмотру Яссы, я решил спуститься вниз, где слышал голос И.

Когда мы вошли в утреннюю столовую, почти все уже садились на места. К нам подошел, торопясь, Кастанда, спросил о состоянии Максы и прибавил еще одну просьбу: посетить Аннинова. Его слуга приходил и сказал Кастанде, что ночью у его господина был сильный сердечный припадок.

За соседним столом я увидел снова Андрееву и Ольденкотта, место же леди Бердран было пусто. Рядом с пленившей меня художницей Скальради я увидел новое лицо. И лицо это немедленно завладело всем моим вниманием. Человек, сидевший возле художницы, не был красавцем. Но где бы он ни был, кто бы его ни окружал – всюду он был бы замечен. Сложен он был так пропорционально, что высокий его рост даже не казался таким высоким и, только когда взгляд падал на тех, кто его окружал, можно было отдать себе отчет, как он на самом деле высок.

Голова с проседью, черные брови, большие голубые глаза с длинными черными ресницами, красивый разрез рта и безукоризненные зубы, хорошо видные при часто мелькавшей

улыбке. Во всех его движениях, в манере слушать собеседника, в красивых руках – во всем было изысканное благородство. Что-то особенно меня в нем поразило. Человек этот был прост, очевидно, привык привлекать к себе внимание и нисколько этим не смущался, но я ясно видел, что он скромн, добр, умен и нисколько не горд.

Несколько раз он посмотрел на И. Я понял, что он знает, кто такой И., но с ним незнаком. Сидевший рядом мноу Альвер шепнул мне, что это один из знаменитейших артистов, имя которого знает весь мир, – Станислав Бронский, чех.

Мне казалось, что Бронский, с такой любезностью и вежливостью разговаривавший со своими соседями, все чаще бросает взгляды на И., и к концу завтрака мне даже показалось, что на его подвижном и выразительном лице я подметил мелькавшее беспокойство. И я не ошибся. Когда мы окончили завтрак и уже выходили, за нами послышались ускоренные шаги Кастанды, который просил И. остановиться на минуту. Кастанда извинился, что так много беспокоит И. с самого вчерашнего вечера.

– Вы, конечно, не могли не заметить новое для вас лицо, доктор И. Это артист Бронский, его прислал сюда Флорентиец. У него есть письмо к вам, и он заранее был извещен, что вы приедете на этих днях. Он пришел сюда из дальних домов Общины, вернее, примчался на мехари с одним арабом-проводником и со своим учеником, тоже артистом. Бронский просил меня познакомить его с вами. Я обещал сделать это тотчас же после завтрака. Но вторичный посол от Аннинова меня задержал. У Аннинова второй припадок, леди Бердран все так же плоха. Андреева ухаживает за нею очень прилежно, но дело не движается. Вдобавок и ученик Бронского заболел, выкупавшись в нижнем озере после путешествия по жару. Я даже не знаю, о ком просить вас раньше.

У Кастанды был утомленный вид. Я подумал, что он чем-то сильно обеспокоен и, вероятно, не спал ночь. Он с мольбой смотрел на И., очевидно, чего-то не договаривал, но старался не выказывать своего беспокойства.

– Не волнуйтесь, Кастанда, прежде всего познакомьте меня с Бронским, так как его очень тревожит здоровье друга. Затем я пройду к леди Бердран, а тогда уже к Аннинову. Вы отпустите слугу пианиста, дайте ему для больного вот эти капли, пусть Аннинов примет их на сахаре и ждет меня. Здесь как раз на один прием. При темпераменте Аннинова ему нельзя поручать самостоятельного лечения, он выпьет все сразу и будет удивляться своей полусмерти.

И. подал Кастанде такой крошечный пузырек, что, сопоставив его с огромным ростом музыканта и его громаднейшей рукой, я невольно расхохотался.

Мы повернули обратно и увидели у окна Бронского и Скальради, и я поразился, как печально было лицо артиста. Минуту назад полное жизни и энергии, оно было бледно и выражало страдание. Он все так же любезно слушал свою собеседницу, но взгляд его погас, точно его постигла внезапная неудача.

Увидев, что мы подходим к нему, Бронский снова ожил, румянец разлился по его лицу, глаза загорелись, на губах мелькнула улыбка. Он сделал несколько шагов нам навстречу, низко поклонился И. и крепко, обеими руками, пожал протянутую ему руку И.

– Вы беспредельно любезны, доктор И. Не нарушила ли моя просьба распорядок вашего дня? Я так счастлив познакомиться с вами, но счастье мое было бы омрачено, если бы я вам в чем-либо помешал.

Голос Бронского был довольно низкий, металлический, в произношении шипящих букв была какая-то чуть заметная подчеркнутость, что придавало его речи неподражаемое своеобразие и не лишало прелести его манеры говорить.

Я смотрел и поражался, какая масса обаяния была в этом человеке! Белая индусская одежда очень ему шла, я так и представлял себе его верхом на мехари в бедуинском плаще. Вот была бы модель для художника! По обыкновению я зазевался и опомнился от голоса И., который говорил:

– Это мой друг Левушка. Он писатель. Вы его простите за рассеянность. Держу пари, что он уже нарисовал ваш портрет в своем воображении, ввел вас в какую-нибудь картину и забыл, где он и что с ним.

Бронский протянул мне обе руки, улыбаясь и говоря, что сам страдает такой же живой фантазией, часто ставящей его в неловкое положение, потому что он теряет нить разговора. Я радостно ответил на его крепкое пожатие и сказал смеясь:

– Это правда, я представил себе вас мчащимся на мехари через пустыню в бедуинском плаще и мечтал, чтобы вас так нарисовали. Что касается вашей любезности, когда вы сравниваете вашу и мою фантазию, то тут мне сравнения не выдержать. Я бегу по моим образам бесплодно. Вы же превращаете их в жизнь и даете всему миру понимать через себя красоту и высокое благородство. Я преклоняюсь перед вашей энергией и трудоспособностью, о которых мне сейчас рассказали.

– Тот, подле которого вы живете, не мог бы назвать вас другом, если бы не видел в вас творческой силы. В ваши годы я ничего еще не сделал, а ваш рассказ я уже читал.

И. отправил меня за аптечкой и просил Альвера проводить меня в тот домик, где жила леди Бердран. И когда мы с Альвером, взяв аптечку, вошли в холл домика, где жили Андреева и леди Бердран, мы увидели там И., Бронского и Кастанду, беседующими с Натальей Владимировной.

– Нет, дело так не пойдет на лад, Наталья Владимировна. Леди Бердран только потому и больна, что вы с нею и она не может противостоять вашим вибрациям. Вы похожи на холодное озеро, и к вам подходить близко могут лишь очень закаленные люди. Не только применять ваш способ лечения к леди Бердран нельзя, но и ухаживать вам за нею пока нельзя.

И. говорил улыбаясь, но в серьезности его слов никто не мог сомневаться.

Андреева казалась не то опечаленной, не то недоумевающей и недовольной.

– Неужели вы находите, И., что Ольденкотт, который считает своею обязанностью чуть ли не весь день не отходить от меня, закален против моих вибраций? Однако же он не болен? – сказала Андреева не очень спокойно, но, очевидно, сдерживая свой темперамент.

– О да, мистер Ольденкотт так сильно закален в своей броне доброты и чистоты, что никакие – много сильнее ваших – вибрации ему не страшны.

Бронский молча наблюдал все происходившее вокруг. Мне было совершенно ясно, что он хотел попросить И. навестить его друга, но не решался, как вдруг И. обратился к нему:

– Я попрошу вас подождать меня здесь. Отсюда мы пройдем прямо к вашему ученику. Вам же, Наталья Владимировна, на десять дней запрещаю посещать леди Бердран.

И. сделал мне знак следовать за ним, и, провожаемые Кастандой, мы прошли в самый конец коридора, поднялись по винтовой лестнице во второй этаж и постучались в одну из крайних дверей. Дверь нам открыла молоденькая девушка-туземка в холщовом белом платье, какие я уже видел на сестрах милосердия, но без косынки на голове и с очень небольшим крестом, нашитым на переднике. Она оказалась дежурной ученицей курсов сестер милосердия.

Леди Бердран была очень слаба и едва могла открыть глаза, когда мы с И. вошли к ней. Кастанду И. отпустил еще в коридоре, сказав, что дальше обойдется без него.

Больная лежала на диване в белом халате и была так бледна, что казалась привидением. И. осторожно приподнял ее в сидячее положение и сказал что-то сестре на туземном языке. Та сейчас же вышла из комнаты. Мне же И. велел сделать смесь из нескольких пузырьков и капнул туда еще чего-то сам из аптечки Флорентийца. Капли закипели, я приподнял голову больной, а И. влил ей в рот лекарство. Оно не понравилось леди Бердран. Она застонала, почти вскрикнула, чем так меня напугала, что я едва не уронил ее прелестную головку.

– Будь осторожен, друг, мы поспели вовремя. Сейчас у нее будут судороги, но благодаря лекарству они не будут смертельны. Держи теперь крепко обе ее руки, я придержу ноги, это не продлится долго.

Я едва мог удержать руки больной, которая вырывала их с такой силой, какой можно было ожидать, пожалуй, от мужчины. Пот лил с меня градом, мне казалось, что я уже не удержу рвущихся рук, как напряжение судорог ослабло, и И. велел мне оставить руки больной. Я опустился на стул, точно после долгих часов рубки дров. Теперь И. взял руку леди Бердран и спросил:

– Как вы сейчас себя чувствуете?

Леди Бердран открыла глаза, с удивлением посмотрела на И. и на меня, улыбнулась и ответила:

– Сейчас я чувствую себя очень хорошо. Но минуту назад мне казалось, что я умираю. Да и все эти дни у меня было такое ощущение, точно из меня уходит жизненная сила. Особенно когда добрая Наталья Владимировна бывала близко ко мне, у меня кружилась голова и мне казалось, что все мои силы тянутся к ней.

Я знаю, что это моя чистейшая фантазия, но иначе я не умею описать вам мое состояние.

– Если бы я предложил вам временно переселиться в корпус, где живем мы с Левушкой? Там есть отдельная и отличная северная комната, и мне было бы удобно наблюдать за вами. Согласны ли вы перебраться туда?

На ее лице, и так всегда печальном, появилось выражение крайнего замешательства. Она ответила не сразу, очевидно, борясь с чем-то и не решаясь высказаться.

– Я очень бы хотела исполнить ваше желание. Но я думаю, что это очень огорчит Наталью Владимировну, которая так ко мне добра, так много для меня сделала и помогла мне приехать сюда. Я не могу решиться принести ей огорчение. Я и без того приношу всем, кто сближается со мною, одни несчастья.

По ее лицу скатились две крупные слезы, и, видя ее страдания, я всей силой мысли припал к Флорентийцу, моля его помочь и послать мне силы не разрыдаться.

– Предоставьте мне все уладить. Я уже до прихода к вам объяснил Наталье Владимировне, что вас надо очень закалить для того, чтобы общение с нею, с ее бурными силами не истощало вас. Вы скажите только, желаете ли довериться мне и пройти короткий курс лечения под моим наблюдением?

– Не только желаю, я умоляю вас помочь мне, доктор И. Я с самой встречи с Натальей Владимировной поняла, что со мной происходит что-то неладное. Но в последнее время я стала ясно сознавать, что умираю, – со слезами в голосе сказала леди Бердран.

– Ну, до этого еще далеко, а закалить ваш организм и двинуть вас к систематическому знанию, как закаляться дальше самой, – необходимо.

В эту минуту возвратилась сестра и доложила И., что носилки и носильщики здесь. Это я понял из ее указания нечто вроде паланкина в коридоре. И. сам поднял больную и усадил ее в полотняный паланкин, где всю ее обложили подушками. Носильщики подняли больную и перенесли в наш дом. Немедленно был отыскан Кастанда, больная водворена в комнату под нами, а И. отдал самые строгие распоряжения об ее диете и о том, чтобы к ней решительно никого не пускали. И мы помчались обратно в холл, где ждал нас Бронский, беседуя с Ольденкоттом. Домик, где сейчас жил Бронский, был довольно далеко, но зато очень близко от Аннинова.

Войдя в комнату ученика и друга Бронского, мы увидели, как мне показалось, не очень молодого человека, брюнета, похожего на грузина, но на деле он оказался румыном. Присмотревшись внимательно, я понял, что человек этот молод, но чрезвычайно истощен. Он лежал, что-то бормоча.

– Отчего вы позволили вашему другу, разгоряченному, опаленному зноем, броситься в холодное озеро? Ведь вы сами не только не сделали этого, но даже мылись в теплой ванне.

– Я умолял Игоро не делать этого. Но румыны вообще упрямы и думают, что лучше понимают потребности своей природы. К тому же мать Игоро – венгерская цыганка – и при-

учила его с детства к постоянной смене холода и зноя. Он никогда не болел за все время нашего знакомства. Насколько я должен был всегда думать о своем здоровье, настолько мой друг мог расточать его самым легкомысленным образом безнаказанно. Поэтому-то сейчас я так и обеспокоен его болезнью.

– Да, он очень, очень сильно болен. И если и выздоровеет, то не скоро. Вам придется или покинуть его здесь на меня, или же остаться самому вместе с ним на долгое время, не меньше года, – осматривая больного, говорил И. – Я понимаю, что вам необходимо возвратиться к вашей деятельности. У вас, по всей вероятности, целый ряд контрактов, зовущих вас в разные города мира. Но о здоровье друга вы можете не беспокоиться, мы с Левушкой его выходим. И через год он вернется к вам.

– Я не покину друга в беде, доктор И. Я знаю, что буду мало полезен, и не менее хорошо знаю, какое счастье для моего друга встреча с вами. Но и для меня встреча с вами в данную минуту жизни важнее всех дел и контрактов, важнее самого искусства, для которого я и жил до сих пор. Я уеду отсюда только в том случае, если вы меня выгоните. Я вас умоляю, не отправляйте меня отсюда, прочтите письмо того человека, которого я случайно встретил в Лондоне несколько месяцев тому назад. Он после долгого разговора в моей уборной в театре, когда я играл «Отелло», дал мне письмо к вам, назвав себя Флорентийцем, хорошо вам известным. Он же объяснил мне дорогу сюда и дал в провожатые своего слугу, когда я – ни минуты не размышляя – решил ехать к вам сюда. Игору не отпустил меня одного. И, когда я познакомил с ним Флорентийца, сказав ему, что друг мой желает меня сопровождать, Флорентиец долго смотрел на него и сказал: «Ну, быть тому. Но помните, что я его с вами не посылал. Вы можете взять его с собой на свой страх и риск». Мне очень не хотелось, чтобы Игору ехал со мной. Я всячески пытался его отговорить, но не сумел настоять, как и вообще не умею нигде и ни в чем, кроме одного искусства, проявить свою волю. Только в нем я целен и уверен до конца. Ему служу без компромиссов и в нем никто и ничто не может сбить меня с моего пути, раз понятого и принятого. Не отвергайте меня, – внезапно опускаясь на колени, с тоской и мукой в голосе закончил свои слова Бронский.

И. быстро подошел к нему, поднял его, обнял и ласково сказал:

– Встаньте, мой друг и брат. Я с радостью принимаю вас в число моих учеников. Не беспокойтесь за вашего друга. Он будет жить, и характер его, так много тиранивший вас в жизни, изменится к лучшему. Но пострадать ему придется немало, так как не только все корешки нервов у него воспалены, но и вся нервная система нарушена из-за недопустимой разницы температур, к которым он одинаково непривычен, несмотря на кажущееся закаливание, к которому приучала его мать.

И. приготовил лекарство, с моей и Бронского помощью влил его больному, растер его тело чем-то невыносимо остро пахнувшим и снова сказал артисту:

– Сейчас ваша помощь здесь совершенно не нужна. Больной будет долго спать, а потом все равно никого узнавать не будет. У него род тифозной горячки, но на самом деле это только ужасающая встряска всего организма, которая могла бы окончиться безумием, если бы вы не встретили здесь меня.

Послав меня за дежурной медицинской сестрой, И. сказал Бронскому, чтобы он захватил войлочную шляпу и мохнатое полотенце в своей комнате и ждал нас у выхода.

Я вернулся в комнату больного с братом милосердия. И. сделал Игору укол довольно толстой иглой и, дав дежурному все указания, обещал через два часа прислать фельдшерицу. Мы собрали аптечку, тщательно вымыли руки и сошли вниз к ждавшему нас Бронскому.

Жара была уже очень сильная. И. нахлобучил мне шляпу и спустил вуаль, посоветовав сделать то же самое и своему новому ученику, и мы, перейдя несколько дорожек, очутились в доме Аннинова.

Все в этом доме было какое-то особенное. Сразу же меня поразило, что из небольшой передней выходила дверь прямо в большой белый зал, где посреди комнаты стоял белый рояль, а по стенам – несколько диванов, жестких и тоже белых, а на тумбе из черного мрамора какая-то небольшая статуя, показавшаяся мне портретом Данте. Потом я увидел, что это было изображение Будды.

Слуга провел И. в следующую комнату через большой зал, а мы с Бронским остались ждать в зале. Он стал мне рассказывать об Аннинове, об его гении, успехе у публики и о его страданиях. Он давно покинул родину, очень страдал от тоски по ней, но никогда туда не возвращался, скитаясь по всему свету. Бронский не знал, что заставило музыканта покинуть родину, так горячо любимую. Но знал наверное, что большая часть его болезни сердца лежала в постоянной тоске по ней.

Довольно долго И. не возвращался. Бронский, видя мой восторг при описании его впечатлений от встречи с Флорентийцем, очевидно, и сам находясь под сильным влиянием красоты и мудрости моего высокого друга, рассказал мне подробно, как он был в особняке Флорентийца в Лондоне, видел там моего брата, от него получил мой рассказ. Он видел Наль и ее подругу Алису, красотой которых был так поражен и восхищен, что до сих пор не знает, которая из них лучше. Что Алиса – это Дездемона, а Наль так юна и вместе с тем так величественна, что для нее он не находит имени в своем артистическом словаре. Что такой женщины он еще не видел и готов был бы заподозрить в преувеличении всех, кто ему рассказывал бы об обитателях особняка Флорентийца.

– Я иногда и сейчас спрашиваю себя, не во сне ли я видел этих людей? Возможно ли такое количество красоты и доброты в одном месте Лондона? – Бронский задумался, точно куда-то унесен мыслями, и тихо продолжал: – Когда я увидел И. входящим в столовую, я сразу понял, что это именно он, хотя никто мне этого не говорил. Помимо его исключительной красоты, в И. есть что-то, чего я не умею определить, но что совершенно определенно напоминает мне Флорентийца. Что это такое, я еще не понимаю, но это нечто, никому, кроме этих двух фигур, не свойственное. Много я видел людей, и людей великих, но что-то божественное – до того оно высоко – бросилось мне в глаза и поразило меня в И. и во Флорентийце.

У двери слышались голоса, и в зал вошли И. и Аннинов. На щеках музыканта горели пятна, очевидно, или у него был жар, или он пережил очень сильное волнение. Он приветливо поздоровался с нами, предложил нам фрукты и прохладительные воды, но И. не разрешил нам ни того, ни другого.

– Итак, кончайте ваш труд, Сергей Константинович, и отложите концерт на несколько дней. С вашего разрешения, я приведу целую толпу народа, жаждущую послушать вас. Вы совершенно здоровы. Мало того, что вы сами здоровы, вам еще придется помочь мне лечить вашей музыкой двух больных. Без музыки в данный момент их не вылечить. Мы с вами вырабатываем программу и, я надеюсь, вернем им разум, – прощаясь, говорил И.

Тут уж я был поражен до полного ловиворонства. Лечить музыкой? Так я и ушел, не собрав мозгов, и, если бы не жара, стоял бы, наверное, на месте. Но солнце жгло немилосердно даже сквозь вуаль, и И. набросил мне на голову толстенное мохнатое полотенце Бронского, которое смочил в фонтане, чем привел меня несколько в себя. Дома И. велел мне полежать, пока он приготовит лекарство для Максы, а Бронского просил разыскать Кастанду.

Едва я лег, как мгновенно заснул. Мне показалось, что я спал Бог знает как долго. На самом же деле оказалось, что спал я не более двадцати минут, а отдохнул чудесно. И. разбудил меня, дал мне превкусное питье, сказав, что теперь пить можно. Я взял микстуру для Максы, еще какие-то лекарства для передачи сестре Александре и должен был привести с собой обратно сестру милосердия специально для Игоря. Я радовался, что сейчас пойду чудесным лесом. Питье И. делало меня малочувствительным к жаре. Мне хотелось побыть одному и подумать обо всем пережитом за эти дни. Но возвратился Бронский и, узнав, что я иду в

незнакомое ему место, так моляще посмотрел на И., что тот рассмеялся и, хитро посмотрев на меня, сказал:

– Там у Левушки завелась зазнобушка, Алдаз! Если он решится на самопожертвование и возьмет вас, я буду рад. Для вас там найдется многое, на что посмотреть.

– Левушка, я буду нем, как пень, услужлив, как раб, благодарен, как ребенок. Возьмите меня.

Я даже подавился от смеха, такое необычайное выражение, вернее, целая гамма сменяющихся выражений промелькнула на его лице. Он выпрямился и громовым голосом, точно клятву на мече, выговорил:

– Буду нем, как пень, – потом согнулся, точно весь сузился, точь-в-точь лстивый раб, и сахарным голосом произнес: – Услужлив, как раб.

И вдруг, широко улыбнувшись, распустил все складки лица, только что сморщенного и подлизывающегося, и ясным детским голосом, наивно глядя мне в глаза, очаровательно шепелявя, сказал: – Благодарен, как ребенок.

Все это было для меня так неожиданно, что я, разумеется, все забыл, бросился ему на шею и заявил, что теперь понимаю, почему он покори́л мир. Все еще смеясь, мы пустились в путь, к сестре Александре. Я хорошо запомнил дорогу, и хотя Бронский был таким увлекательным собеседником, что легко можно было впасть в рассеянность, я чувствовал себя вдвойне ответственным и перед И., и перед моим новым знакомым, в котором так многое меня пленяло, был все время настороже и не перепутал ни одного поворота.

Макса еще спал, а сестра Алдаз на ломаном русском языке, который едва можно было понять, с помощью жестов и мимики своего прелестного личика старалась объяснить мне, что бедный Макса очень страдает. Я обещал передать это И. и прибежать еще раз к ней, если И. даст что-либо облегчающее.

Повидав сестру Александру, захватив с собой данную ею сиделку для Игоро, мы поспешили обратно. Во время его разговора с Алдаз Бронский не спускал с нее глаз и лицо его выражало полное восхищение. Взглянув на него теперь, когда мы вошли в лес, где я снова ожидал его увлекательных рассказов, я увидел печальное, углубленное в себя лицо совсем нового человека. С ним произошла полная метаморфоза. На лице лежало какое-то мудрое спокойствие, нечто похожее на то выражение, которое я часто подмечал на лице брата Николая. Но на лице Бронского эта мудрость носила сейчас печать скорби.

Его высокий лоб прорезала морщина, глаза точно не видели ничего окружающего, губы были плотно сжаты, как будто бы он решал новый, внезапно вставший вопрос. Я не посмел нарушить его сосредоточенности и даже старался идти медленно и бесшумно, чтобы не мешать его мыслям. Я представил себе, что вот таким мудрецом бывает Бронский, когда обдумывает наедине свои роли. Уже почти на опушке леса он глубоко вздохнул, провел рукой по лицу и глазам и улыбнулся мне.

– Я так далеко был сейчас, Левушка. Иногда моя фантазия уносит меня от действительности, я впадаю в какую-то прострацию и рисую себе прошлое тех образов или людей, которых мне надо изобразить на сцене, или же тех живых людей, которые произвели на меня глубокое впечатление. Прав я или нет в своих сценических образах – тому судьи люди, так или иначе воспринимающие созданные мною образы. Но самое странное в игре моего воображения – это то, что в прошлом живых людей, если только они меня целиком захватили, я никогда до сих пор не ошибался. Не знаю сам, как и почему, но я читаю их прошлое совершенно ясно, как ряд мелькающих передо мной картин. Сейчас весь внешний вид и мимика этой вашей очаровательной приятельницы Алдаз так меня пленили, что я впал в это состояние прострации и увидел много-много картин из ее прошлого. Я увидел сначала малютку индианку спящей в мешке за спиной у матери – индианки с темно-красной кожей. Рядом с ней шел отец, неся на спине мешок с тяжелым грузом. Потом я увидел ту же мать уже с девочкой-подростком, оплакива-

ющими убитого отца. Дальше: высокий, страшно высокий красавец на коне подобрал обеих несчастных, сидевших в отчаянии ночью у костра. Потом я увидел мать и дочь с караваном верблюдов, пересекающих пустыню, потом нечто вроде школы, где я увидел Алдаз уже одну, лет тринадцати, и, наконец, больницу, где Алдаз давала лекарство какому-то старику. Меня поразила эта юная жизнь, такая безрадостная, монотонная, протекающая в лесах и дебрях, а ведь у нее крупнейший мимический талант. Судя по ее движениям, необычайно пластичной походке и пропорциональности сложения, она должна танцевать как богиня, восхищать людей и пробуждать в них самое высокое и светлое чувство восторга. А она прозябает в глуши. Даже в древности и то она вынесла бы свой талант наружу, была бы жрицей, танцовщицей в каком-нибудь храме. Вот о чем я думал, и, как всегда, судьбы людей и их неопишуемая сказочность потрясли меня и на этот раз. Надо же было в глухом уголке джунглей появиться рыцарю и спасти мать и дочь, уже смиренно приготовившихся быть растерзанными дикими зверями! И для чего же он их спас? Чтобы гениальный талант девочки погиб у коек больных!

Я стоял, разинув рот, у опушки леса, смотрел на Бронского и решал, кто из нас помешанный, а того не замечал, что сестра милосердия, тоже туземка, не понимающая русского языка, на котором мы с Бронским говорили, выражала все признаки нетерпения. Должно быть, потеряв его окончательно, на плохом английском языке она мне сказала:

– Скоро, скоро, господин, вперед. Доктор меня ждет.

Я извинился перед нею, бросился вперед с такой быстротой, что мои спутники еле поспевали за мной. Сдав Кастанде сестру и Бронского, я поспешил к И. Конечно, я сейчас снова ворвался бы к нему еще большей бурей, чем в первый раз, но, к счастью, встретил его у площадки лестницы шедшим мне навстречу. Он, очевидно, имел в виду сказать мне что-то другое, но, увидав мое лицо, спросил:

– Что с тобой приключилось, друг?

– Пойдемте в вашу комнату. И., мне необходимо вам что-то сказать. Вы знаете, что Бронский колдун? Он может читать прошлое людей. И., миленький, вы можете знать, чем был человек до встречи с вами?

Я торопился, говорил сбивчиво, с очень серьезным видом и все же не мог не заметить, каким юмором сверкали глаза И. Он привел меня в чувства, и я рассказал все, что говорил мне Бронский и как он прочел прошлое Алдаз.

– Как бы я хотел узнать, правду ли видел Бронский о жизни Алдаз. И., дорогой, можете ли вы это узнать?! – я спрашивал, горя нетерпением, и никак не мог понять, как это И. может спокойно сидеть, когда я ему передаю такие потрясающие вести.

– Я думаю, что тебе проще всего узнать самому, Левушка, правдиво ли Бронский описал тебе прошлое сестры Алдаз.

– Как же это? Сколько бы я ни старался, я еще ни разу не видел никаких картин. Или вы думаете, что я должен очень сильно думать о Флорентийце и спросить его? – выпалил я, снова впадая в азарт желания узнать истину или убедиться, что Бронский просто маньяк, одержимый определенным пунктиком.

И. засмеялся и, поглаживая меня по голове, что помогло мне мгновенно прийти в себя, сказал:

– Экое ты дитя малое, Левушка. Неужели я мог бы посоветовать тебе беспокоить твоего великого друга такими мелкими делами. Это все равно, что обращаться к нему с вопросами, как тебе научиться правильно завязывать сандалии или ставить на их подошвы заплатки. Я имел в виду самое простое, ничуть не превышающее твоих сил дело, – все так же ласково поглаживая мою голову и улыбаясь, говорил мне обожаемый, снисходительный друг. – Ты сам спроси Алдаз, когда вечером, после чая, мы пойдем накладывать Максе новые повязки. Кстати, возьми эту сумку, здесь все, что нам будет необходимо при вечернем обходе. А теперь пойді прими душ и ляг в своей комнате. Ты так бежал, что тебе необходимо прийти в себя. Если,

возвратясь сюда через полчаса, я найду тебя спокойным, мы пойдем в комнату Али и я дам тебе книги для первоначального знакомства с языком пали.

– О, И., какой же вы добрый! Я опять проштрафился, а вы мне даже выговора не сделали. Можете не сомневаться, вы найдете меня совершенно спокойным дэнди!

– Смотри, вот тут-то и не проштрафься, – улыбнулся мне на прощанье И.

Я не заметил, в какой пыли я был. Даже на блестящем полу я оставлял пыльные следы. С помощью Яссы я привел себя в порядок, убрал комнату и стал поджидать моего друга, который немного задерживался. Образ Бронского снова встал передо мной, и нарисованные им в лесу картины оживали в моей фантазии. Мне так и представлялся высоченный рыцарь с черной бородой, подхватывающий мать и дитя в свое седло в страшном, темнеющем лесу.

Так как я никогда не видел живого рыцаря, а образ высоченного черноволосого человека жил в моей душе только один, я связал картину Бронского с личностью Али. Как хорошо все укладывалось дальше в моей поэтической фантазии! Али подобрал несчастных мать и дочь и со своим караваном переправил их в Общину, где Алдаз и поступила в школу. Образ Али завладел мною. Я уже готов был позвать его и спросить, не подбирали ли он на дороге сирот, как дверь открылась, и И. окликнул меня.

– Я теперь знаю, кто был рыцарь, спасший Алдаз. Это был, конечно, Али. И дальше все складно выходит, – не дав опомниться И., бросился я к нему.

– Али или не Али спас Алдаз – это не так важно. Но что ты все же не проникся достаточным вниманием к моим словам и хотел беспокоить Али по пустякам – это нехорошо. Делать сейчас такую печальную мину и огорчаться не следует, но обрати внимание на две вещи: ни одного лишнего слова не говори, пока окончательно не продумаешь то, о чем хочешь говорить или просить. Это одно. Второе: если я дал тебе задачу, а я сказал, что пойдем в комнату Али учиться, надо было приготовить себя, привести в себе все в равновесие, чтобы твое рабочее место оказалось в гармонии со всеми твоими творческими способностями. Мы пойдем в комнату великого мудреца, милосердие которого равно его мудрости. Милосердие его к тебе огромно. А твое внимание, вообще очень ограниченное, собрано ли оно сейчас? Очистил ли ты его от мелких мыслей суеты? Проникся ли ты той великой радостью служить когда-нибудь человеку благодаря тем знаниям, что тебе решил открыть Али, посылая тебя сюда? Только тогда ты можешь встретиться с Али и Флорентийцем и стать сотрудником в общей с ними работе, когда научишься входить в полную сосредоточенность. Тогда ты разделишь их труд и будешь полезен в их работе всем тем, кто тебя окружает. Ты проникнешь в их творческий путь настолько, насколько верность твоя им будет скреплять тебя постоянно, легко и просто с ними, с их путем любви к человеку. Ты здесь не гость, чтобы обновить свой организм на несколько лет и снова уйти в труд, через который можно расточать перлы своего гения в утешение и помощь людям. Ты здесь гость Вечности, в Ней ты здесь встречен, с Нею уйдешь. И каждый день твоей жизни – день дежурства у черты Вечности. Не в Общине ты «погостил» и не из нее уйдешь – здесь весь смысл твоего существования. Ты из Вечности пришел, в Ней живешь в форме временного Левушки на земле и к Ней уйдешь, но уйдешь обогащенный новым опытом, с открытыми глазами, постигая путь к совершенствованию и зная, как работать над собой, чтобы добиваться освобожденности. Ты увидишь здесь многих гениев, узнаешь их особый путь жизни на земле. Ты узнаешь здесь еще больше простых людей, в которых раскрываются только некоторые черты их талантов. Их тяжелый или легкий путь становится таковым от количества предрассудков и личных слабостей, которые им удастся с себя сбросить, то есть насколько они сумеют освободить от условностей заключенную в них Вечность.

Все это говорил мне И., пока мы шли на островок Али, где нас снова встретили сторож и белый павлин. Поднимаясь в комнату Али, я был полон благоговения и благодарности к моему дорогому наставнику. Как-то особенно четко ложилось каждое его слово сегодня мне

на сердце. И в первый раз без всяких сомнений и сожалений о собственной малости и неспособности я дерзал, легко и просто подходя к книжным шкафам.

И. тронул какую-то пружину, и стенка раздвинулась, открывая за собою еще ряд белых полок, полных книгами. И каких только книг здесь не было! И. вынул три небольшие книги очень старинного вида, снова нажал невидимую мне кнопку, стенка сдвинулась, и я даже не мог различить, где она раскрывалась только что.

Подойдя к письменному столу Али, И. раскрыл его куполообразную крышку из пальмового дерева, изображавшую два больших листа латании. Он усадил меня за стол и стал объяснять мне шрифт и произношение языка пали. Мне все казалось очень трудным, так как я вообще не знал ни одного восточного языка, и потому корни и приставки, такие чуждые мне, озадачивали меня. Но преподавательский талант моего мудрого Учителя был на такой высоте, что, когда ударил первый гонг к обеду, я уже мог свободно разбирать печатные слова. И. показал мне, как закрывать и открывать стол, задал мне урок к следующему дню, и мы спустились в парк, в обеденную столовую.

Первое, на что я обратил внимание, когда мы вошли в столовую, была Андреева, беседовавшая с каким-то стариком на непонятном мне языке. Судя по интонациям, я понял, что она на чем-то настаивает, а старик не поддается и в свою очередь пытается ее убедить. Сидевший рядом Ольденкотт, очевидно, тоже не понимал языка и беспомощно смотрел на И., когда мы вошли, как бы прося его вмешаться в их дело. Но И., взяв меня под руку, поклонился им и прошел прямо к нашим местам.

Постепенно столовая наполнилась, заняли свои места и Бронский с художницей. Снова я заметил несколько замечательных лиц, но никак не мог охватить взглядом всех, кто сидел за столами.

– Не спеши узнать всех сразу, Левушка, постепенно ты познакомишься со всеми. Многих будешь иметь случай увидеть ближе у Аннинова завтра. А сейчас – я вижу, как тебя это интересует, – я тебе разъясню, о чем спорит Наталья Владимировна. Ей хочется посмотреть на развалины одного очень-очень древнего города. Со свойственным ей темпераментом ей хочется немедленно двинуться в путь, а старик-проводник отказывается ехать сейчас, уверяя, что это в данную минуту опасно. Пути туда почти восемь суток по знойной, безводной пустыне или же через глухие топкие джунгли, где много диких зверей и змей. Надо выждать. Недели через три туда пойдет караван и можно будет, присоединившись к нему, проехать безопасно.

Лицо Андреевой показалось мне сейчас бурным ураганом. Ольденкотт несколько раз вздохнул и что-то тихо сказал своей соседке. Та рассмеялась, посмотрела на меня и сказала довольно громко мне через стол:

– Я собираю компанию бесстрашных людей, любящих путешествовать в пустыне. Не хотите ли проехать с нами осмотреть один интереснейший древний город, вернее, его развалины? Говорят, днем они мертвы, но с закатом солнца на развалинах появляются в такой массе тигры, львы, шакалы и обезьяны, что все здания кишат ими.

Я пришел было в ужас, но потом решил, что надо мной смеются, и ответил в тон ее насмешке:

– Мне не особенно хочется превратиться в уголь, пока я буду ехать по пустыне, и еще меньше мне хочется провести ночь в приятном обществе тигров и львов. Я еще не успел завести себе заклинателя, а без него, пожалуй, не обойтись в таком почтенном обществе.

Андреева рассмеялась и сказала что-то старику-проводнику. Тот послал мне восточное приветствие. Я вспомнил пир у Али. Приподнявшись, я отдал ему восточный поклон. Проводник с лицом, до черноты сожженным солнцем, в белом тюрбане и бурнусе, был своеобразно красив. Седая борода делала его похожим на пророка. Посмотрев на меня пронзительными черными глазами, он быстро что-то сказал И. Тот улыбнулся, кивнул головой и перевел мне по-английски слова араба:

– Зейхед-оглы просит тебя принять его сердечный привет и говорит, что видит твой далекий путь. Но путь этот будет еще не скоро и вовсе не в пустыню, а к людям. Он просит тебя принять от него в подарок маленького белого павлина, которого он подобрал по дороге заблудившимся в лесу.

Я был в полном восторге. Иметь собственного белого павлина! Но что мне ответить, я не знал, так как отлично помнил, что за подарок, по восточному обычаю, надо было отблагодарить подарком, у меня же ничего не было.

– Поблагодари и согласишься, – шепнул мне И.

Я с большим удовольствием исполнил совет И. и чувствовал себя счастливым обладателем сокровищ. Но Андреева решила не давать мне спокойно наслаждаться моим инстинктом собственника.

– На груди у вас сквозь полотно сверкает камень. И цены ему нет, и красоты он сказочной, и значимость его даже непонятна вам, – бросала она мне, точно дрова рубила, говоря на этот раз по-русски. – Носите сокровище, за которое отданы сотни жизней; и еще сотни были бы отданы, лишь бы его достать. И ему вы не радуетесь, а радуетесь глупой птице.

Глаза ее сверкали. Блеск их, мне казалось, достигал самого камня на моей груди. Он был мне очень тягостен. Я закрыл плотнее свою одежду, прикрыл камень рукой и прижал его к сердцу, благоговейно моля Флорентийца научить меня лучше защищать его сокровище и суметь сохранить его до той самой минуты, когда мы с ним свидимся и я возвращу ему камень, который когда-то у него украли. И вдруг я услышал дивный голос моего великого друга:

– Будь уверен и спокоен. Всюду, где ты идешь в чистоте, иду и я с тобою. Осязай в своем пульсе биение моего сердца. Есть много путей знания, но верность у всех одна. Распознавай во встречах их скрытое величие и не суди их по видимым несовершенным качествам. Оберегай мой камень, ибо он не одному тебе защита.

Мгновенно спокойствие сошло в мою душу, я радостно взглянул на Андрееву, с которой произошло что-то мне непонятное. Она побледнела, вздрогнула, склонила голову на грудь и точно замерла в позе кающегося. Я посмотрел на И. Он был серьезен, даже строг, и пристально смотрел на Андрееву. Когда та подняла, наконец, голову, он сказал ей очень тихо, но я уверен, что она слышала все до слова:

– Стремясь пробудить в другом энергию и силу, надо уметь держать в повиновении собственные силы. Даже в шутку нельзя касаться того, о чем сам не знаешь всего до конца. Обратный удар может быть смертелен. И если он не был таким для вас сейчас, то только потому, что я его принял на себя.

Вокруг нас, где шел общий и часто перекрестный разговор, никто не заметил этой маленькой сценки. Да и вообще все так привыкли к эксцентричной манере Натальи Владимировны говорить и шутить, что ее словам никто не придавал особого значения. Я, хотя и не понимал всего до конца, все же сознавал, что в словах И. таилось нечто очень значительное для Андреевой.

Ее несколько презрительный тон, когда она возмутилась моею ребяческой радостью из-за подаренного белого павлина, огорчил меня. Я подумал, что совершенно невольно ввел ее в раздражение. И в то же время я вспомнил слова сэра Уоми, что каждый вступающий на Путь Знания должен стараться говорить так, чтобы ни одно его слово не язвило и не жалило.

Я еще раз прижал к груди камень, подумал о словах письма Али: «Все, чего должен достичь человек, – это начать и кончить каждую встречу в мире, доброте и милосердии», – и решил очень строго следить за собою сейчас, чтобы сказанное мне другими, каким бы тоном оно ни было сказано, не вызывало во мне горести или раздражения.

Во время обеда седой проводник несколько раз взглядывал на меня, и я читал в его глазах огромное дружелюбие к себе. Андреева сидела, опустив глаза вниз, была бледна и молча

слушала, что говорили ее соседи, изредка кивая головой. Мне казалось, что в ней происходит что-то особенное, для нее очень тяжелое, что она пытается скрыть.

Бронский снова был обаятельным собеседником, но все же я подмечал в его лице тревогу. Только спокойный взгляд И., казалось, вливал в него уверенность каждый раз, когда взгляд его скрещивался со взглядом артиста.

После обеда И. предложил мне пройти в комнату Али и приготовить заданный на завтра урок, что я с восторгом принял. Бронскому И. разрешил до чая провести время у постели больного друга, а Альвера Черджистона позвал в свою комнату, отчего лицо юноши засияло.

Старый араб-проводник подошел к И. и, глядя на меня, что-то быстро говорил, чему И. смеялся. Еще раз я пообещал себе с наивысшим прилежанием изучать языки Востока. Мне И. сказал только, что после чая араб принесет обещанного молодого павлина и объяснит, как за ним ходить и чем кормить.

В самом счастливом настроении я отправился учиться. Как обычно, и сторож, и его павлин встретили меня гостеприимными поклонами. Мне хотелось спросить сторожа, как зовут его и его чудесного павлина, но я был похож на того слугу, что вытирает пыль с драгоценных книг, не понимая их языка. Книги для слуги мертвы, а здесь передо мною были живые существа, а я не мог произнести ни одного понятного им слова.

Я стоял перед слугою с довольно растерянным видом. На лице его мелькнула улыбка, он похлопал меня по плечу, показал на свои уши и рот, и я понял, что он глухонемой. Теперь мне стало ясно, почему он пристально смотрит на рот говорящего с ним человека. Слуга еще шире улыбнулся, погладил павлина по его прелестной шейке, затем постучал по своему лбу, показал на лоб павлина, важно покачал головой, развел руками, и я понял, что он объясняет мне, как необыкновенно умен и понятлив его павлин.

Пока я разбирался в заданном мне уроке, все мне казалось необыкновенно трудным. Но как только я усвоил его, мне захотелось учиться еще больше. Язык становился приятным и понятным, меня охватывала все большая радость, чем дольше я над ним сидел. Забыв обо всем, я пропустил гонг, не слыша даже, как вошел в комнату И., и очнулся только от его руки, коснувшейся моего плеча.

– Я так и знал, братишка, что за тобой надо зайти, иначе ты обо всем забудешь, – мой наставник безжалостно захлопнул книгу, закрыл стол и вывел меня из комнаты. – Как бы ни спешил ты выполнить данную тебе или взятую тобою на себя задачу, окружающее тебя и все то, чем ты с ним связан, должно быть тобою уважаемо. Пища ждать тебя не может. И человек, обещавший принести тебе подарок, должен найти тебя ожидающим его. Говорят: «Точность – вежливость королей». Для ученика его самодисциплина – высшая точность в поступках и словах, высшая вежливость по отношению к тем, с кем он встретился. Живой человек – твоя первая задача всюду. Он для тебя самое важное в дне, ибо в нем – цель действий твоих Учителей. Запомни, Левушка, и охраняй всю свою внешнюю аккуратность не менее внутренней.

Мы быстро пошли парком, где стоял сильный зной, совсем незаметный в комнате Али. Когда мы кончили пить чай в гроте, на пороге его появился мой новый друг, араб, закутанный с ног до головы в белый бурнус, под складками которого он нес прелестную корзинку из пальмовых листьев, в которой было устроено гнездо. В гнезде сидел маленький и очень несчастный на вид белый павлин. Но я никогда бы не признал в этом длинношеем, почти неоперившемся птенце, жалком и безобразном с виду, будущего царя птичьей красоты.

Араб поклонился мне и подал корзинку. Я залюбовался необычайно сложным искусством плетения и, должно быть, немного резко повернул корзинку. Птенец жалобно пискнул, и этот слабенький звук сжал мое сердце какой-то неожиданной для меня самой скорбью. Я пожалел бедняжку-птенчика, которого потревожил так неосторожно. Я не знал, как его приласкать и чем загладить свою вину перед ним.

Я был так же беспомощен перед ним в его воспитании, как он передо мной в своей беззащитности. Я уже готов был возвратить хозяину его подарок, как он сказал мне на отвратительном, но совершенно понятном французском языке.

– Вы не смущайтесь, ага, всякое дело сложно, пока не поймешь, как им овладеть. Я вам и корм для него приготовил, и расскажу все: как его поить, и как водить гулять, и как ему спать. Он, видите ли, уже привык ко мне и жалуется, зачем я отдаю его вам. Эти птицы так понятливы, что и не каждому человеку чета. Вот я ему сейчас объясню, что вы его настоящий хозяин, а вы дайте ему покушать вот этой кашицы с вашей ладони, и он будет определенно знать вас как своего единственного хозяина.

Араб осторожно вынул птенца из корзинки, поставил его на широчайшую ладонь своей левой руки, а пальцами правой с нежностью матери поглаживал почти голую головку птенчика и так передал его мне, посадив его на мою левую ладонь, где он едва поместился.

Преуморительно, с какой-то важностью посмотрел на араба птенчик, потом клюнул мою ладонь, где уже лежала положенная арабом кашица, потом поднял голову, посмотрел на меня, еще поклевал и пискнул. Но писк этот был уже не жалобный, а веселый, точно он совсем примирился с новым хозяином.

Араб посоветовал мне положить птенца снова в корзинку и прикрыть пуховым платочком, который он вынул из своего бурнуса, так как, несмотря на жару, птенцу было холодно и он дрожал. Я сердечно поблагодарил араба за его подарок и высказал ему мое сожаление, что не знаю, чем его отблагодарить.

– Это не уйдет. Вот на будущий год вы поедете осматривать пустыню, возьмите меня в проводники и заезжайте в мой дом передохнуть. Мой дом в оазисе, пути два дня пустыней.

Я еще раз поблагодарил его, пожал ему руку и в обществе Альвера, Бронского и художницы Скальради, восхищавшихся моей птицей не меньше меня, я понес ее в мою комнату. Через некоторое время пришли И. и араб, и старик дал мне полное наставление, как ухаживать за птицей.

– Вы знаете, друг, – сказал арабу Бронский, – ваши наставления, конечно, очень замечательны и доказывают вашу любовь к птицам, но они не менее сложны, чем если бы дело касалось человеческого, а не птичьего детеныша. Мне думается, что Левушке одному не справиться, пока птенец так мал. Нельзя ли мне принять участие в уходе за птенчиком? Мне бы это было так приятно, а Левушку бы немного раскрепостило.

На лице араба мелькнула улыбка.

– Через несколько коротких минут и вы, и Левушка узнаете кое-что о некоторых из этих птиц. Тогда вы оба поймете, почему они так по-человечески сообразительны и почему за ними должен быть особенно тщательный уход. Я думаю, если доктор И. разрешит, вам будет очень полезно понаблюдать жизнь птенца. Вы добры и чисты, птенцу вы будете милы. При таком друге он скорее разовьет свои таланты.

Араб еще раз улыбнулся, протянул Бронскому руку и подал ему небольшой темный камень, вынув его из маленького кожаного мешочка.

– Это змеиный камень. Это амулет от укуса змей. Он останавливает кровоточивость ран, заливает их быстро и спасает от смерти при укусе кобры. Но если его прикладывать к ранам от укуса змей, то силы его хватит только на четыре раза. После этого он теряет всякую силу и не годен больше ни для каких целей. Возьмите его в память обо мне. Он вам вскоре пригодится.

Бронский своею беспомощной растерянностью напомнил мне моего беспомощного птенца. Я залился смехом, так комично показалось мне это сопоставление.

– Берите, Станислав Николаевич. Будем вместе обязаны аге Зейхед-оглы. Авось надумаем, как его отблагодарить.

Тут Бронский выкинул такое антраша, что я чуть не выронил мою корзину из рук. Я еще не успел договорить фразу, как Бронский обеими руками обнял могучую шею араба, цело-

вал его темное лицо и говорил что-то так быстро, точно читал псалтырь, как плохой дьячок, торопящийся поскорее отбарабанить надоевшую ему службу. Но, несомненно, в скороговорке Бронского был какой-то большой смысл, который араб отлично понимал, потому что весело смеялся и отвечал кивком головы на упрасивания Бронского. Артист вдруг вылетел пулей из комнаты, оставив даже дверь нараспашку. Ну, как же тут было не словиворонить. Я был так озадачен, что счел за лучшее сесть и поставить птенца на пол.

Глаза араба смотрели на меня с нескрываемым юмором. И. тоже поблескивал глазами и хранил могильное молчание. И только один Альвер мог служить мне утешением, ибо был мне под пару. Разинув рот, он стоял точь-в-точь в том же виде, как на горе, когда наблюдал наш с И. полет валькирий. Общее молчание, как мне показалось, длилось очень долго, и пауза становилась мне тягостной.

Араб подошел ко мне, поднял с пола корзинку с птицей и поставил ее на кожаный табурет у изголовья моего дивана. Он приподнял пуховый платочек и показал мне, как птенчик зарылся в пух гнезда, вообразая себя под защитой крыльев и пуха матери.

– Вы не поняли ничего из слов вашего приятеля. Не мудрено. Я и сам едва понял, хотя он говорил по-тюркски, а этот язык я хорошо знаю. Должно быть, я очень метко попал и подарил ему именно то, что ему хотелось иметь. Он просил меня принять от него кольцо в обмен на камень и побрататься с ним за ту ласку, что он нашел в моих словах. По обычаям моей страны, я не могу взять подарок за подарок. Но в данном случае я не могу и обидеть этого человека, в котором так много детской наивности. Я вижу по его лицу, что он очень-очень много страдал и страдает еще и сейчас. Если я унесу в его кольцо часть его горя, я буду счастлив.

Последние слова Зейхед-оглы выговорил тише и медленнее, и лицо его стало так серьезно, что я с удивлением взглянул на него. Лицо И. тоже было очень серьезно, даже как будто немного печально. Наконец внизу послышались торопливые шаги, кто-то быстро взбежал по лестнице, и через миг перед нами стоял Бронский. Он, очевидно, бежал туда и обратно, пот лил с него градом, одежда промокла.

– Вот, прошу вас, возьмите в память о нашей встрече. Вы первый человек, проявивший ко мне полное доверие, увидев меня впервые в жизни. Обычно люди ждут от меня сильнейших впечатлений и встречают недоверчиво и холодно. В моем нестерпимом одиночестве я счастлив сейчас, найдя человека, так нежно, братски меня встретившего.

Бронский говорил теперь по-французски, говорил медленно. Было видно, как под тонкой тканью его одежды колотилось сердце.

Араб взял футляр, что подавал ему Бронский, раскрыл его и покачал головой. Он рассматривал кольцо с большой черной жемчужиной, вделанной в круг сверкающих бриллиантов. Точно в блестящей чаше воды лежал черный камень, переливавший всеми цветами радуги. Араб переводя взгляд с жемчужины на измученное лицо артиста, покачивал головой и, держа кольцо у сердца, сделал глубокий восточный поклон. Затем он так же глубоко поклонился И., точно спрашивал у него благословения на важный шаг, надел кольцо на мизинец левой руки, куда оно едва налезло, хотя было сделано для указательного пальца артиста по тогдашней моде.

– Я беру все твои скорби в свое сердце, все слезы и бедствия разделяю с тобою с этой минуты, дорогой брат. Да прольются они ручьем в мой путь. Быть может, моя верность дружбе и нежная любовь к тебе помогут тебе перейти в путь тех, кто вносит во все встречи розовые жемчужины. Хвала Аллаху, поклон Твоему Богу и тебе. Храни в сердце память об этом дне, как о счастливом дне моей жизни.

Зейхед-оглы еще раз поклонился И., поклонился нам и тихо вышел из комнаты. Я видел, что Бронский ничего не понял из того, что говорил араб.

Сам же я понял, что несчастье артиста было в том, что он являлся вестником горя встречным и люди боялись его.

Снова в моей памяти загорелись слова Али, услышанные у его двери: «Встретив ученика, идущего путем печалей, возлюби его вдвое». И как же я любил в эту минуту не только Бронского, но и того великого мудреца, который стоял только что здесь в виде простого жителя пустыни! Какое необъятное сердце носил он в груди, если радовался счастью принять на себя скорби другого! И. обнял Бронского, подал ему конфету и предложил принять у нас душ, сказав, что через пятнадцать минут он пойдет в дальний домик к сестре Александре и возьмет всех нас с собой.

Мне хотелось взять и моего птенчика, но И. не разрешил, сказав, что по дороге я пойму, почему этого не следует делать. Альвер робко спросил И., можно ли ему идти с нами, на что И. улыбнулся и ответил:

– Конечно, друг, ведь я не сделал исключения, а сказал, что беру вас всех. Вообще с этого дня ты можешь, как и Левушка, считать себя в числе моих учеников. Завтра я укажу тебе твой новый распорядок дня. Оба вы должны знать, что здесь, в этих домах, живут люди, по тем или иным причинам проходящие первоначальные стадии ученичества. Вы видите здесь многих, уже не впервые посещающих Общину. И все же они живут в этих домах неофитов. И наоборот. Вы не видите живущими здесь тех, кого встретили в первый день как, например, Освальда Растена и Жерома Манюле.

В комнату вернулся Бронский, освеженный, в чистой одежде, которую ему дал всемогущий Ясса, и мы двинулись в путь, взяв с собой аптечки. Зной все еще был сильный, я его ощущал очень остро, но спутники мои шли так, как будто бы было наше северное лето. И., заметив, что я иду тяжело, взял меня под руку и перебросил на себя мою аптечку, не внемля никаким моим мольбам.

– Я обещал тебе, Левушка, рассказать кое-что о карлике Максе. Думаю, что всем вам, друзья мои, будет полезно узнать о судьбе этого маленького человечка, так сильно сейчас страдающего. Если бы каждый человек владел всеми силами, что в нем заложены, не было бы в мире ни страданий, ни ошибок, результатами которых и являются все скорби людей. Страсти, которыми окружен человек, загромаждают собою весь его земной путь. Они лишают его возможности ясно видеть и распознавать истинно реальное среди того моря временных, иллюзорных красот, которые манят его и влекут в кажущийся прекрасным мир личной жизни, личной любви и личного счастья. Человек не свободен. Он живет в своих условных привязанностях, и, когда спадают с его глаз эти давящие телесные покровы любви, они спадают в великом страдании. Вся жизнь Земли, по мере того как в человеке просыпается мудрость, есть не что иное, как великий путь освобождения. Если бы человек мог быть так воспитан с детства, чтобы весь его организм строился в гармонии, он, созревая, легко становился бы свободным так, как на его сознании, на его нервных сплетениях и сердце не нарастали бы бугры и глыбы всевозможных страстных извержений, которые зовутся в обиходе людей болезнями. И слух, и зрение развивались бы у человека не только физически, но и психически, рождаясь в полной гармонии организма. Сейчас мы увидим жертву борьбы страстей, борьбы добра и зла, опять-таки называя их этими словами бытовой лексики. Перед Истиной нет ни зла, ни добра. Есть только степень знания, степень освобождения, мгновение чистой любви и мира в сердце человека или мгновение бунта его страстей и невежественности.

Среди глухих лесов, непроходимых, окруженных болотами, где безопасны только узенькие тропочки, живут люди, помогающиеся у природы ее тайн. Они стараются путем знаний достичь умения владеть стихиями природы. Цель этих людей – владычество над миром. Их желания – обладать всеми благами для эгоистических целей, для порабощения людей, а не для труда на общее благо. Это темные оккультисты, нередко составляющие страшные секты со всевозможными сексуальными извращениями и нередко – с человеческими жертвами. Завлекающая людей через своих прислужников всюду, где люди одержимы страстями ревности, зависти, ненависти и алчности, где неуравновешенные легко поддаются раздражению, эти темные силы

опутывают их сетями иллюзорных удач с тем, чтобы, предоставив им в пустяках несколько побед, уже не выпустить их из кольца змей, которое совет себе каждый из поймавшихся на эти крючки людей, поддавшись очарованию предложенных ему призрачных благ. Пользуясь своими относительно большими знаниями – «большими» до тех пор, пока они орудуют среди закрепощений греха, и ничтожными, когда встречаются истинно свободных людей, они создали целое племя людей карликовой породы. Эти внешне исковерканные существа очень злы, воспитаны в вероломстве, обучены многим фокусам гипноза и магнетизма. Но злым преследователям личных целей путем оккультных знаний все же не всегда удается до конца извратить всех несчастных, которыми им удалось завладеть. Нередко среди карликов живут страдалцы, которым мерзко зло, ненависть и лицемерие. Они пытаются бежать после неистовых страданий и наказаний за отсутствие любви ко злу и отказ совершать преступления. Великие труженики Светлого человечества часто выискивают таких несчастных, спасают их и доставляют в Общину белых братьев. Одного из таких страдалцев вы увидите сейчас.

Мы были уже на половине пути. В лесу было темно, сыро, и я представил себе, как должны страдать несчастные карлики, которых заставляют жить во тьме непроходимых лесов всю жизнь в обществе бесчестных людей.

– Если великим труженикам Светлого человечества удастся спасти такого схваченного злыми карлика, то его помещают в особую для него благоприятные условия, окружают самыми чистыми и ласковыми людьми, учат грамоте, всячески развивают и стараются поднять их забитый дух. Но все же, проведя детство и юность в рабстве, побоях и полной невежественности, эти несчастные создания в своей духовной форме похожи на сморщенные, засохшие грибы. Они не владеют ни одной нитью духовных сил настолько, чтобы иметь возможность выбросить из себя искру огня и поджечь те наросты грубых тканей, что вплетены в их организм жестокими хозяевами через страх и боль. Для них невозможно более человеческое воплощение, где надо сразу достичь возможности поправить все очаги сил – и физических, и духовных. И милосердная Жизнь, видя их немощь, помогает им переждать одно воплощение в птицах. Они перевоплощаются в белых павлинов. Вот почему эти птицы так понятливы, часто понимают даже речь, если человек прилагает к этому усердие.

Крик изумления вырвался у каждого из нас.

– Но не думайте, что все без исключения белые павлины – непременно перевоплощенные добрые карлики. Тех, что пройдут такой путь, Жизнь вводит всегда в Общины светлых братьев, – продолжал И., как бы не замечая нашего потрясения.

– А мой птенчик, И., он тоже бывший карлик или это просто дикий павлин, которого Зейхед-оглы подобрал в лесу? – я спрашивал, замирая от волнения, что моя птица простая, дикая и мне не дано оберегать драгоценную человеческую жизнь.

– Твой павлин доставлен к Зейхеду совершенно особым путем. Араб знал, что он должен передать тебе птенца, и для этого приехал специально в Общину. Ты узнаешь, как, чем и когда ты связан кармой великой благодарности с тем несчастным карликом, что теперь пришел к тебе за нею в образе белой птицы и что в одной из жизней был твоим злейшим врагом и убийцей. Ты получаешь сейчас случай воздать ему, в свою очередь, и уходом, и любовью благодарностью за спасение твоей жизни в далеком прошлом.

Мы вышли на поляну, где снова было жарко. К нам навстречу шла сестра Алдаз с очень обеспокоенным лицом.

– Чудеса, чудеса и чудеса, – прошептал Бронский.

– Нет чудес, есть знание, знание и знание, – ответил ему И.

Сестра Алдаз, без всякого приветствия, сразу стала что-то говорить И. очень встревоженным голосом. Лицо ее, на которое я теперь особенно внимательно смотрел после слов о ней Бронского, менялось точно в сказке. И вся она казалась иною, в зависимости от мимики лица. Вся ее фигура то вдруг как-то тяжелела, то казалась воздушной в связи со словами, которые

она произносила. Все в ней было так гармонично, что содействовало выразительности, и мне было понятно, что карлик с чем-то или кем-то боролся, хотя слов ее я не понимал. Он кого-то боялся и пытался убежать.

Когда мы вошли в комнату, где лежал карлик, сестра Александра держала руки метавшегося больного, очевидно бредившего. Долго возился с ним И., я получал приказания подавать то одно, то другое, пока наконец больной затих и стал дышать спокойно.

Дав ему немного отдохнуть и подремать, И. приступил к перевязке. Видев утром страшные зияющие раны, я приготовился сейчас к ужасному зрелищу. Но каково же было мое удивление, когда я увидел, что раны больше не кровоточат, а покрылись каким-то серовато-белым налетом. И. развел кипящей жидкости, смочил ею заготовленный дома пластырь и покрыл им раны. Больной вздрогнул, но не открыл глаз, продолжая дремать. Только когда уж он был совсем перевязан и И. погладил его по голове, он открыл глаза, удивился, увидев вокруг себя так много людей, остановил взгляд на И. и улыбнулся.

И. взял его здоровую ручку и стал ласково с ним о чем-то говорить. Тот сначала словно не хотел отвечать, но затем заговорил быстро, жалобно, о чем-то умоляя и чего-то боясь. И. успокоил больного, отправил обеих сестер ужинать и велел им привести с собой брата милосердия, который остался бы ночевать с больным и мог бы уйти от него только тогда, когда больной убедится, что его в обиду никому не дадут.

Через некоторое время пришел брат милосердия. Лицо его меня поразило. Много добрых и светлых лиц видал я за это время, но такого потока любви, какой лился от всей фигуры этого человека, я еще не видел.

Карлик едва на него взглянул, как заулыбался, что-то замурлыкал, протянул ему здоровую ручонку и старался привстать, что ему тут же строго запретил И.

Брата этого звали Франциск. На наше приветствие он каждому из нас посмотрел в глаза и подал руку. Но как взгляд, так и жест, каким он здоровался с каждым из нас, – все было так разное, что я немедленно стал Левушкой-лови ворон.

На Альвера он взглянул пристально, высоко поднял правую руку, улыбнулся и сказал на прекрасном французском языке громко и четко:

– Вы большой молодец. Идите, как начали, далеко пойдете!

На Бронского он смотрел долго, качал головой, поклонился ему низко-низко и тихо сказал:

– Довольно одиночества и скитаний. У вас теперь много друзей. Вы здесь оставите все слезы и скорби и уедете в розовом плаще. А ваш, черный, ляжет мне на плечи. – И он снова низко поклонился ему.

Бронский превратился в соляной столб, не в силах, очевидно, воспринять всего происшедшего. Ко мне последнему подошел Франциск, я стоял поодаль у стола и собирал аптечки, пока не словиворонил.

– Мир тебе, брат мой милый, неси людям радость. Так мало, так редко идет ученик, имея счастье рассыпать радость и свет своим ближним. Не стой на месте, живи всюду. Но где бы ты ни был – неси мир. Твой талант может одухотворять сердца. Научись здесь выдержке – и ты войдешь в гармонию. И ею будешь крепить людей.

Франциск подал мне обе свои руки, и точно волна тепла и мира пролилась в меня через его руки. Он сел у постели карлика, склонился к нему и стал его кормить. Красные глазки страдальца выражали полное удовольствие. Он забыл обо всем и радостно смеялся между глотками пищи.

И. помог мне собрать вещи, так как я положительно был никуда не годен, как, впрочем, и мои товарищи. И. пришлось всех нас приводить в себя и напомнить об элементарных правилах вежливости, ибо мы собирались уйти, даже не простившись. В последнем приветствии Франциск снова сказал мне:

– Ухаживай усердно за своим павлином, милый брат. Это много страдавшая душа. Чем больше внимания ты ей отдашь сейчас, тем выше он пройдет потом.

Мне будет приятно, если ты будешь меня навещать. Я научу тебя, как видеть «сквозь Землю», – чуть улыбнувшись, прибавил он.

Теперь уж я готов был превратиться в соляной столб, но И., смеясь, простился с Франциском и увел меня из комнаты, как и всех остальных.

На обратном пути каждый из нас был погружен в свои мысли. Бронский, несмотря на прохладу леса, отирал платком лившийся градом пот. Англичанин шел точно полк за собой вел. А я плелся, поддерживаемый И., и не мог постичь, как неисчислимо разнообразие путей человеческих. То я вспоминал, что путей миллионы, а ступени у всех одни и те же. То я думал, что жизнью человеческих неисчислимо множество и Жизнь – одна. И я не мог понять, как же входят в ту гармонию, о которой сказал мне Франциск, такие маленькие люди, как я. Положительно все путалось в моей голове.

– Ты, Левушка, думай о своем «сегодня». Придем, покорми свою птичку, она, наверное, без тебя уже соскучилась. Собери внимание к текущим делам и вливай в них бесстрашие и благородство. А о завтра ты не думай, ты о нем будешь думать завтра, – ласково убеждал меня мой наставник.

– Ах, И., миленький, если бы я мог хоть в сотую долю быть таким заботливым другом для моей птицы, каким вы являетесь для меня, я был бы счастлив, что хоть в чем-нибудь выполнил мой урок. Как я хотел бы стать достойным ваших забот, – ответил я, вбирая себя, по обыкновению, спокойствие, уверенность и мир от моего друга.

Дойдя до Общины, И. простился с нашими спутниками, напомнив им, что к ужину опаздывать нельзя. Не успели мы войти в мою комнату, как мой новый сожитель встретил нас радостным писком. Я бросился к нему, осторожно вынул его из пуха и покормил на ладони. И. помогал мне напоить птенца, что составляло целую проблему. Окончив процедуру кормления, я приласкал мое белое сокровище и снова уложил его в гнездо. Раздался звук гонга, и мы спустились в вечернюю столовую. Здесь было светло, веера создавали прохладу.

К И. подходило много новых людей. Художница, расставшаяся с нами после чая, спрашивала меня, где я был, что я видел за это время. Я ответил ей, что видел так много, что даже и вместить не могу. Наш разговор перебил Бронский и сообщил, что его другу как будто чуть-чуть лучше, но что к больному его не допустили.

Я не вслушивался в разговоры вокруг. Есть мне положительно не хотелось. Я даже не замечал, что мне давали, но повиновался приказанию И., не освобождаящему меня от еды. Как это ни казалось мне самому странным, но меня так клонило ко сну, что после ужина я прошел прямо к себе. Приняв ванну, я закончил мой второй день в Общине, не заметив и сам, как заснул подле своего нового друга, белого павлина.

Глава III

Простой день Франциска и мое сближение с ним. Злые карлики, борьба с ними и их раскрепощение

Много времени, должно быть, недели три – четыре прошло, пока я окончательно познакомился с огромным парком и прудами Общины. Теперь внезапно открывавшиеся виды или выраставшие за поворотом дороги домики стали мне хорошо знакомы.

Мой друг, белый павлин, которого я сначала все носил на руках, стал теперь преуморительно бегать за мной всюду, требуя пискom и комическим похлопыванием маленьких, едва растущих крыльев, чтобы я брал его на руки, когда он уставал. Я каждый день навещал Максу, один или с И., иногда – правда, редко – с Альвером, которому И. поручил часть ухода за Игором. Бронский чаще всего проводил со мною время между чаем и ужином, а весь день он был занят каким-то сложным трудом по своей специальности, в котором хотел передать своим ученикам все, что открывал ему его гений артиста-творца.

Мои занятия в комнате Али шли успешно, настолько успешно, что И. дал мне изучать и арабский язык, так как мне очень хотелось понимать моего нового друга Зейхед-оглы и не страдать, надрываясь порою от смеха над его французской речью.

Каждый раз, когда я приходил в больницу к сестрам Алдаз и Александре, я неизменно встречался с братом Франциском. Он или гулял со мною по лесу, если был свободен, или звал с собой в аптеку, где готовил лекарства, и я ему помогал, или вводил меня в свою комнату, которая поразила меня своим видом, когда я ее увидел впервые. Из его балконного окна во втором этаже домика на опушке леса, где были срублены верхушки деревьев, открывался вид на дальние селения, была видна горная цепь, как и из комнаты Али. Три ряда идущих параллельно друг другу горных цепей, так называемые зеленые, самые низкие горы, покрытые травой и прекрасными деревьями, начинались сразу у долины. На них паслись стада, виднелись работавшие люди. За ними тянулся хребет бесплодных, так называемых черных гор, до которых можно было добраться, уже пересекши часть пустыни, и, наконец, снежный хребет, поражающий и ослепляющий, виден был во всей мощи и прелести из окна Франциска. Горы в этом месте делали полукольцо, напоминающее углубление амфитеатра, и на этот-то амфитеатр выходил балкон Франциска.

Комната? Разве можно подобрать слова, чтобы описать комнату Франциска? Или его самого? В комнате было несколько шкафов с книгами, небольшой стол странной формы, довольно узкий, высокий, из белого мрамора с очаровательными красными прожилками, такими многочисленными, что самый мрамор казался алым. Над столом висел большой крест из выпуклых красных камней. Когда луч солнца падал на него, он горел горячим теплым светом, точно смесь огня и крови, и часто привлекал мое внимание. Я часто думал, как прост и благороден этот крест, как пропорционален этот столик, но не мог решить, что же можно за ним делать. Писать? Высоко. Есть? Малоудобен. Но сам хозяин так поглощал мое внимание, что у меня никак не было времени спросить Франциска, что он делает за своим высоким столом. В комнате стояли еще три креслица, если можно этим словом назвать три сиденья, какие, пожалуй, могли быть только у пещерных людей. Сложенные из стволов пальм и кож, грубые – и все же по-своему красивые, они были удобны для сиденья.

Вместо кровати у стены стояли козлы с натянутой на них парусиной. В любую минуту они могли быть превращены в постель, но удобно ли спать на подобной постели, этого я никак решить не мог. Простой рукомойник с висевшей над ним стеклянной полочкой для умывальных принадлежностей и полотенец, письменный стол, камин – вот и все убранство комнаты.

А между тем, как только я вошел в нее, меня захватило очарование, почти такое же чувство счастья, какое я испытывал, входя к И., Ананде или сэру Уоми. Я видел глазами простые вещи, а ощущал всем сердцем не их, а того, кто здесь жил, кто наполнил всю эту комнату атмосферой мира и гармонии. Куда бы ни падал мой взгляд, я точно видел слова любви, вырезанные на всем сердце Франциска.

От самого первого впечатления и до сегодняшнего дня обаяние этой личности для меня все возрастало. Он не говорил мне никаких особенных слов, а я ясно понимал, что такое раскрепощенный человек, глядя на его поступки обычного, серого дня. Каждый день, когда я его не видел, казался мне лишенным чего-то, какого-то луча, без которого я уже не мог считать свой день полноценным. И я видел, что и другие – от мала до велика – так же искали и читали Франциска, дорожили каждой минутой его общества. Где бы он ни проходил, все расцветало улыбками, ну точь-в-точь будто он шел и цветочки сеял. Сначала он озадачивал меня, читая насквозь чувства и мысли буквально каждого человека. Но очень скоро удивление мое перешло в экстаз благоговения. На его примере я впервые ясно понял, что такое любовь в человеке, любовь, льющаяся потоком, не спрашивая взамен ничего для себя лично. Любовь Франциска лилась в его дела дня не потому, что он умом понял, как раскрепостить себя от личных чувств, но потому, что для него слово «жить» было синонимом «любить».

Моя радость от свиданий с ним была не просто радостью. Во мне замирало все эгоистическое, когда я бывал с ним. Я не думал, как мне себя приготовить, чтобы, войдя к нему, быть достойным его своей чистотой. Но увидев его еще издали, я заражался его атмосферой. Я всегда ясно чувствовал, как будто переступал какую-то грань, что Франциск близко, что струи его любви бегут ко мне. Постепенно я постиг, почему Франциск мог так понимать каждого человека, точно знал его с детства. Ему ничто не мешало в нем самом. Он не знал перегородок между собою и человеком, перегородок, которые мешали бы ему принять человека таким, каков он есть, всего, без всякой личной к нему требовательности. Его сердце было настежь открыто такой мощью любви, что весь подходивший к нему человек, со всеми своими скорбями, слезами и сомнениями, вливался в эту мощь и оставлял в ней свои страсти, получая мгновенное успокоение и облегчение. Человек оставлял ему свои горести и уходил утешенным и обрадованным.

Все то мудрое и великое, что мне говорил И. и что я принимал всем умом и сердцем, но что считал для себя идеалом далекого-далекого будущего, я видел в простой доброте человека, в его повседневной жизни. Мало того, что Франциск жил любя. Он своим примером обращения с людьми умел каждого так удержать в силе своей любви, что всякий смягчался, переставая раздражаться и неистовствовать. Однажды я был свидетелем потрясающей сцены. Отец, похожий более на разъяренного буйвола, чем на человека, гнался за своим сыном с огромнейшей дубиной. Он уже настигал несчастного, уже дубина была поднята вверх, чтобы опуститься на голову сына, как Франциск в два прыжка очутился перед разъяренным отцом и закрыл собою юношу. Я в ужасе закричал, бросился ему на помощь, но убежавший юноша, очевидно, совершенно потерял рассудок и подумал, что я хочу его задержать. Со всей силой ужаса от надвигавшейся на него смерти, он толкнул меня в грудь. Не ожидая с его стороны нападения, я упал навзничь; к счастью, я попал на завесу из лиан, запутался в них, но не особенно сильно ушибся. Но все же я почувствовал резкую боль в позвоночнике и, вероятно, на несколько минут потерял сознание. Когда я очнулся, Франциск стоял на одном колене и нежно держал мою голову руками. Рядом, закрыв лицо руками, рыдал, сидя на земле, юноша. Отец сидел поодаль на упавшем бревне и тяжело дышал, опустив голову.

– Мой бедный мальчик, вот опять тебе потрясение, а твоему организму так необходимо полное спокойствие. Не знаю, сможешь ли ты встать. Во всяком случае, вернуться в Общину к И. ты сейчас не сможешь. Я донесу тебя до своей комнаты.

Не знаю, как будто бы ничего особенного не говорил Франциск, но тон его голоса, выражение лица, глаза, которые излучали бездонную любовь, мир, такой мир и спокойствие, такую ласку и благословение, точно никакой драмы не произошло только что, точно он созерцал рост цветов и трав, а не спасал от смерти человека, рискуя собственной жизнью.

Еще никогда я не ощущал такого блаженства любви и радости. В меня как бы вливалась от Франциска струя теплой крови. Я забыл о боли, о рыданиях юноши, которые не утихали, а стал весь легким, радостным, тихим. Франциск положил меня удобно на землю, свернул свою и мою шляпы наподобие подушечки, подошел к юноше и положил ему руку на голову. Юноша затих, отер рукавами глаза, посмотрел на Франциска и сказал:

– Кто ты? Я тебя никогда раньше не видел. Почему ты побежал за меня на смерть? О, ты святой! Я видел у миссионера портрет такого Бога, точь-в-точь, как ты. Это он, значит, тебя мне показывал? Что же теперь я должен делать? Ты, наверное, потребуешь, чтобы я стал монахом? Очень и очень мне этого не хочется. Но я знаю, что все равно моя жизнь теперь принадлежит тебе и я должен жить дальше так, как ты прикажешь. Я повинуюсь, святой брат, приказывай.

Юноша стоял на коленях, сложив на груди руки точно для молитвы. Но где же мне найти слова, чтобы описать лицо Франциска? Он глядел на юношу, как могла бы смотреть нежнейшая мать, лаская крошку сына. Он улыбнулся, и улыбка, как благословение, как луч света, озарила всех нас.

Для меня эта улыбка звучала. Звучала так же, как звучал до сих пор смех Ананды, который я называл звоном мечей, как смех сэра Уоми, который напоминал мне переливы очаровательных колокольчиков и шум весенних ручьев. Эта улыбка в молчании сказочного леса звучала как неотделимая часть всей природы, как сила жить в счастье любви. Я так погрузился в мои мысли, что опомнился, услышав Франциска, говорившего:

– Святым на земле нечего делать, мой друг. Они могут трудиться выше нас, где мы с тобой еще не поместимся. Я так же грешен, как и ты. И жизнь твоя нужна не мне, а тебе самому, всем твоим родным, всей Земле, по которой ты ходишь, всем людям, с которыми ты трудишься, и всем тем детям, что от тебя родятся. Жизнь каждого человека нужна и ценна тогда, когда сердце его потеряло способность бояться и раздражать людей вокруг себя. Ты не хотел жениться на той, что отец тебе выбрал. Ты мог просить его об отсрочке, и все было бы благополучно. Ведь та, что выбрал тебе отец, плоха здоровьем. Она недолго проживет. Ты же вместо мирного разговора стал бросать отцу слова упрека. Ты старался задеть его побольнее. Ты играл со страстями отца, силы которых ты не знал, и ввел его в безумие. Если бы случилось сыноубийство – твой отец был бы менее тебя виноват. Вся твоя жизнь с этой минуты и до смерти должна быть одним уроком любви. Ни одного человека ты не смеешь раздражать, но каждого, с кем бы ты ни встретился, ты должен суметь успокоить. Вот и весь тебе мой завет, в нем вся твоя святыня. Иди, друг, подумай над тем, что я тебе сказал, и, если тебе будет плохо, приходи ко мне в больницу. Ты меня всегда найдешь или тебе скажут, где я.

Франциск снял свою руку с головы юноши, но тот ухватился за его одежду и умоляюще сказал:

– Святой брат, положи еще твою руку мне на голову, не прогоняй меня, возьми меня в слуги, я буду так счастлив жить подле тебя.

Снова, еще шире прежнего, точно целая симфония любви, зазвучала улыбка Франциска, и он ласково сказал:

– Порыв твой прекрасен, как прекрасен этот цветок. Цветок отцветает через неделю, а порыв твоей красоты засохнет через пять дней, если ты останешься здесь. Твоя жизнь – земля в цвету тела. А дух твой еще только зарождается, как почки на дереве. Живи, как живут твои отцы и братья, люби девушку, как любишь мать и сестру, и строй семью, как я тебе сказал, чтобы никто и никогда не слышал твоего строгого или раздраженного голоса. Иди, трудись и будь добр ко всем.

Юноша поднялся с колен, поклонился Франциску и повернулся, чтобы уйти. Он шел медленно, как бы нехотя, а Франциск смотрел ему вслед все с той же улыбкой любви, которая заливала, казалось мне, все пространство вокруг.

Внезапно юноша повернул обратно, подошел к отцу и с огромным усилием, побеждая себя, сказал:

– Отец, прости меня. Он велит мне жить в мире со всеми. Если не примирюсь с тобой, как же я буду жить в мире с другими, если все ссорюсь с тобой? Тогда мне придется умирать, потому что он владеет теперь моей жизнью, а я не смогу выполнить его завета.

Грузная, приземистая фигура отца, его огромная бычья шея, опущенная вниз голова, ничто не шевельнулось. Франциск подошел к нему, тронул его за плечо, и глаза, полные ярости, бешенства и злобы, поднялись к глазам Франциска, а вместе с ними поднялась и его громадная ручища. Я снова готов был вскочить на помощь, мне казалось, что неизбежно сейчас случится катастрофа, как голова отца опять опустилась, рука упала на колени. Франциск подошел к нему совсем близко, погладил его по голове.

– Разве ты безгрешно прожил юность? Чему ты удивляешься сейчас? Разве ты подавал пример доброты или ласки детям? Если ты действительно считаешь себя безгрешным, брось камень в сына. Если же знаешь, что много на сердце твоём тяжести, обними сына, он понесет часть твоих тяжестей и снимет с тебя много страданий. Сейчас он просит у тебя прощенья. Не ты ли должен трижды просить его у сына, ибо ты уже трижды обманул его?

Голос Франциска был ласков и радостен. Точно тигр, вскочил человек с пня, схватил нежную руку Франциска в свои огромные лапы и дико закричал:

– Кто тебе сказал? Один я про это знаю. Где ты был? Ты за мной подсматривал? Ты подслушивал?

– Тише, отец. Разве ты не видишь, какие у святого тоненькие ручки? Ты сломаешь ему руку.

Силач выпустил руки Франциска, на которых остались сине-багровые полосы и отпечатки могучих пальцев. Я застонал при виде этих точно кровоточивших знаков. Сам силач, очевидно, не ожидавший такого эффекта от своего прикосновения, казался очень смущенным и прошептал:

– Прости, святой брат.

Взгляд его теперь смягчился, в глазах появилось человеческое выражение.

– Обними сына и отпусти его жить, как он хочет.

– Да ведь ты не знаешь, что он выдумал! Ему, видишь ли, учиться надо. Грамоту захотел знать. Сказочников на базаре наслушался да с арабом одним дружбу свел, читать желает, – снова и все больше раздражаясь, кричал, точно рычал, как дикий зверь, отец.

– А ты в твоём детстве разве не просил отца пустить тебя в школу? Разве ты не плакал, когда он отказал тебе? Но ведь он не бил тебя за твоё желание учиться. Почему же ты гнался за сыном, желая его убить? Вдумайся и сознайся: зависть и ревность к судьбе сына лучшей, чем была твоя собственная, – вот что разъярило тебя.

– Может, это и так, – скорее простонал, чем сказал человек. – Но ведь я не хотел убить его, я хотел только пострадать. Все последнее время я сам не свой и не пойму, что со мной творится. Вьются подле меня, шныряют два каких-то карлика, да такие отвратительные! И как только они появляются, ну точно бес в меня вселяется. Я на все раздражаюсь, всех ругаю, становлюсь сам не свой. Вот и теперь. Шел я с сыном, спокойно разговаривал, откуда ни возьмись – выскочили эти бесенята да давай что-то лопотать, тыкать пальцами и показывать на дорогу в больницу. Я понял, что им нужно туда идти, да боялся беспокоить доктора. Взял одного за руку, чтобы его провести, а он как кольнет меня какой-то остренькой палочкой – точно каленым железом в сердце мне стукнул. Я выпустил его ручонку, оба бросились бежать в глубь леса. Тут сын что-то сказал мне, я даже сейчас и не помню что. Но сразу я озлился и

замахнулся на него дубиной, – он помолчал, отогнул рукав своей одежды и показал на руке, около локтя, большое синее пятно, в центре которого зияла маленькая ранка в булавочную головку.

Франциск склонился к его руке, с неожиданной силой поднял старика с дерева и быстро скомандовал:

– Сейчас же иди за мной. Смерть или кое-что еще похуже грозит тебе.

Он подхватил меня на руки, юноша помог ему нести меня, и почти бегом Франциск бросился к больнице, приказав крестьянину идти впереди. Тот сначала шел очень быстро, но уже у входа в комнату должен был опереться на сына и, едва войдя, почти без сил опустился в кресло. Франциск положил меня на свою кровать – я все ощущал резкую боль в позвоночнике – и стал быстро готовить какое-то лекарство. Дав его выпить больному, он слегка приподнял крышку мраморного стола, достал какую-то палочку – как мне показалось, стеклянную, играющую всеми цветами радуги. Что меня особенно поразило; на конце палочки точно огонь горел. Этим-то огнем Франциск, что-то протяжно напевая, коснулся раны больного. Тот вздрогнул, но, вероятно, не от боли, так как лицо его осталось спокойным. Еще и еще касался Франциск ранки своим огнем, как бы высасывая своим огнем яд из ранки. Через несколько минут из ранки брызнула кровь. Но что это была за кровь?! Темная, запекшаяся, она не лилась, а выскакивала сгустками, напоминая черноватые пробки. Франциск все так же продолжал напевать свой протяжный гимн, и наконец из ранки полилась струйка алой крови. На губах больного появилась пена, он кашлянул, и изо рта его показалась кровь, которую Франциск быстро вытер полотенцем. Он положил палочку на место с такой же осторожностью, с какой ее вынимал, приподняв крышку мраморного стола, и велел юноше пройти в большой дом, разыскать старшую сестру и немедленно просить ее прийти сюда. Тем временем он дал больному какое-то полоскание, подождал, пока кровотечение остановилось, и тогда дал еще капель. С необычайной ловкостью Франциск наложил повязку на ранку, подвязал руку больному на бинте к шее и сказал вошедшей сестре Александре по-французски:

– Больной нуждается в полном спокойствии. Кроме того, к нему, как и к вашему малютке-пациенту, никого впускать нельзя. Особенно строго оградите домик, где лежит малютка, и передайте брату Кастанде, что я прошу прислать двух сторожей с белыми павлинами в больницу. Он все поймет. Пошлите кого-либо к И., скажите, я прошу его немедленно сюда прийти. Он тоже сам будет знать, что ему захватить. И сейчас же, даже сию минуту, прикажите сестре Алдаз принести сюда ее больного. Кто-нибудь, да хоть ты, мой друг, – обратился он к молодому крестьянину, настолько одуревшему от ряда неожиданных событий, что он стоял разинув рот. Перейдя на туземный язык, Франциск продолжал:

– Пойди вместе с начальницей и принеси сюда детскую кроватку, которую тебе укажут. Отцу помоги дойти сюда.

Говоря, Франциск отодвинул в сторону нечто вроде ширмы, что я вначале принимал за стенку. Там оказалась ниша, в которой стояла кровать с чистейшим бельем. Туда уложили больного, и Франциск сказал сестре Александре снова по-французски:

– Спешите, в лесу бродят два карлика, они злы и опасны. Ни маленький больной, ни этот силач не должны подвергаться их нападениям. Даже встреча с ними сейчас может быть опасна. Я буду стеречь моих больных и сестру Алдаз. Вы же спешите выполнить все, что я сказал.

Когда сестра и юноша вышли, Франциск, сияя своим лицом, точно пучком лучей, представил кое-какие вещи в комнате, и я понял, что он готовил место для кровати карлика. Глядя на него, я все более и более изумлялся. Бог мой! Что это были за глава, что это были за движения! Я ощущал всем существом, что Франциск не стул отставлял, а молился. Он не действовал на земле, делая какие-то самые простые дела, а прославлял Бога каждым движением. Улыбка не сходила с его лица, улыбка счастья жить. Он посмотрел на лежащего на кровати угрюмого и грубого силача, увидел, как по его огромным щекам вдруг покатались слезы, подо-

шел, к нему и таким ласковым голосом сказал ему несколько непонятных мне слов, что у меня в сердце точно сладость разлилась. Погладив его лохматую голову, он помог ему повернуться на другой бок, и через минуту ровное и тихое дыхание сказало мне, что человек спит.

На руках Франциска все еще оставались багровые следы от тисков силача. Мне казалось, что они даже стали еще страшнее на вид, вот-вот из них брызнет кровь. Я хотел сказать, что пора ему заняться самим собой, как сестра Алдаз внесла на руках прикрытого простыней Максу. Юноша, на лице которого читалось теперь только восхищение красотой девушки, нес кровать малютки. Он так и стоял посреди комнаты, приковавшись глазами к очаровательному личику Алдаз, держа в руках легонькую бамбуковую кроватку и окончательно потеряв соображение. Гамма стольких разноречивых переживаний за полчаса, очевидно, не могла уложиться в его мозгу. Он был так комичен, что я не мог удержать хохота, видя в юноше свой собственный портрет Левушки-лови ворон. Моему смеху вторил Макса, не выдержала испытания на серьезность Алдаз, а Франциск, взяв кроватку, поставил ее на приготовленное место, сам положил в нее карлика и, точно про себя, сказал:

– Самое время, самое время.

Я этих слов не понял. Но, взглянув на юношу, увидел внезапную перемену в его лице. Он побледнел до серости, потом на лице отразилась ярость, он протянул руку, показывая Франциску на что-то в окне, и, быстро бормоча проклятия, хотел бежать из комнаты туда, но Франциск его удержал, спокойно объясняя ему что-то на его наречии. Лицо Алдаз, поглядевшей в окно, тоже изменилось, она казалась испуганной и с тоской смотрела на Франциска. Он же, не переставая улыбаться, посадил ее у постели Максы, которому сказал:

– Спи, дитя, надо спать, пока не придет доктор И.

Макса закрыл глаза, и я был поражен, как безмятежно и мгновенно он заснул, даже смех его оборвался сразу. Франциск велел юноше сесть у постели отца и объяснил, что надо сидеть там, не сходя с места до тех пор, пока не придет доктор И.

Сколько я ни старался увидеть из окна, что так пугало Алдаз, что сердило юношу, я ровно ничего не видел, кроме чудесного лесного ландшафта.

– Твои глаза еще не могут видеть «сквозь землю», – усмехнулся Франциск, сев подле меня. – Но вот, посмотри туда, на кусты жасмина. Видишь ты, как чуть-чуть шевелятся несколько ветвей, тогда как все остальные стоят совершенно спокойно. Воздух неподвижен. Что может колебать некоторые ветви? Что-то может колебать их только снизу. Заметь направление, в котором идет движение ветвей. Оно идет прямо к окнам домика, откуда только что вынесли Максу. Теперь я слышу, как сюда быстро идут сторожа со многими белыми павлинами и еще быстрее идет И. Знаю, что ты не умеешь еще сосредоточивать свое внимание, и потому говорю тебе: не отрывайся взглядом от клумбы с жасминами и цветами, и ты вынесешь сегодня большой урок жизни, гораздо больший, чем если бы я рассказывал тебе три часа подряд, что такое злая воля и злая сила в человеке.

Франциск еще раз приказал всем нам не двигаться с места ни при каких условиях, даже если бы стрела влетела в окно, не менять положения и не прикасаться ни к чему, что может быть брошено к нам в окно. Он вышел из комнаты и стал в дверях сеней домика.

Я следил за кустами и цветочной клумбой, видел, что цветы и ветви продолжают медленно колебаться, и стал вглядываться ближе к земле, стараясь понять, что могло вызывать такое равномерное колебание. Раза два мне показалось, что я заметил какого-то ребенка среди цветов. Но, сколько ни вглядывался дальше, ничего не видел. Вдруг в комнате, где лежал Макса, что-то с сильным звоном упало и разбилось. Среди царившей тишины этот сравнительно небольшой шум показался мне грохотом пушки. Я боялся, что больные проснутся, но звук не произвел на них никакого впечатления.

Я приподнялся и увидел, что Франциск теперь стоит на середине поляны лицом к кустам, спиной к бывшей комнате Максы. На его лице было все то же выражение, точно он прославлял

свое счастье жить. Он внезапно вытянул руку, и я вздрогнул так, что всю мою спину снова заломило: у самых его ног в земле торчала стрела. Я всем усилием воли смотрел на кусты и теперь увидел, как оттуда вылетела вторая стрела и впилась в землю рядом с первой. Я совершенно оторопел. Я не понимал, зачем Франциск стоит у кустов, где ему грозит смерть. И как может человек с такой безмятежной любовью на лице стоять у черты зла и смерти? Мои мысли прервал несшийся издали шум. Я никак не мог определить, что это за шум, мне казалось, что бегут несколько человек.

Внезапно, точно снежным облаком, вся поляна покрылась белыми павлинами. Несколько мужских фигур, сообразно указаниям Франциска, разместили птиц в три кольца. Одно кольцо охватило клумбу жасминов, второе – по обе стороны стоявшего в центре Франциска – защищало все входы в дома больницы, а третье защищало все выходы в лес. Люди держали в руках нечто вроде блестящих металлических сеток и разделяли собой каждый десяток павлинов. Присмотревшись к мужской фигуре, стоявшей на лесной дорожке прямо напротив Франциска, я узнал в ней И. Зрелище было так захватывающе прекрасно и интересно, что мне надо было собрать все усилия, чтобы не оторваться вниманием от кустов и не словиворонить.

Павлины сужали свой первый круг возле кустов жасмина и клумбы. Соответственно им и второй круг, где стояли друг против друга Франциск и И., также подвигался ближе к кустам. Одновременно и И., и Франциск подняли руки вверх, и тут же я остолбенел. Лицо И. было грозно и повелительно, так повелительно, каким я и представить себе его не мог. Он был похож на Бога силы, которому ничто противостоять не может. А Франциск был похож на Бога любви, и такой Любви-Силы, которой тоже ничто противостоять не может.

В кустах раздался дикий вой. Это был вой ярости, бешенства, протеста. Оттуда выскочил карлик и бросился бежать. Но павлины сомкнулись горой, распустили свои хвосты и встали друг другу на спины, образовав белую стену, преградившую ему путь. Тогда карлик бросился в образовавшееся с другой стороны павлиньего кольца отверстие и понесся во всю прыть своих маленькие ножек прямо на И., который схватил сетку, переброшенную ему ближайшим соседом, и опустил ее на карлика, несшегося вперед со всей яростью и доступной ему скоростью. Не ожидая преграды сверху, карлик упал на землю и дико взвыл – и как только могло так ужасающе громко и злобно выть такое маленькое существо! – и стал кататься по земле, все больше запутываясь в сетке, которую он старался разорвать руками и ногами, грыз зубами и резал ножом, который появился в руках, я не заметил, каким образом.

И. протянул руку к катавшемуся у его ног клубку и сказал что-то очень повелительным тоном. Карлик, застывший было на миг, принялся снова еще ужаснее выть, плевать и, очевидно, проклинать. И. подошел ближе и опять что-то сказал. На этот раз в его тоне звучало предостережение. Карлик замолк и вдруг лицо его озарилось буквально дьявольской улыбкой. Он весь собрался в комочек, быстрее молнии натянул тетиву лука и пустил стрелу прямо в грудь И. Сестра Алдаз, юноша и я вскрикнули от ужаса. Алдаз закрыла лицо руками, я же попытался бежать на помощь, но не имел сил не только бежать, но даже не мог приподняться выше того, как сел в самом начале. Стрела взвилась вверх, и я ожидал увидеть ее в темени И. Вместо этого она упала на поляну, как раз между И. и Франциском.

Снова раздался голос И., но на этот раз я не узнал дорогого мне чудесного и мягкого голоса. Это было нечто вроде громовых раскатов. Как будто бы эхо присоединялось к каждому слову, усиливало его стократно и сливалось со всей природой. Карлик задрожал. Я увидел, что сеть, в которой он запутался, начинает краснеть, точно накаляться. Увидев этот ужас, поняв, что он сгорит заживо, если не исполнит какого-то приказа И., карлик принялся выбрасывать из своей одежды какие-то корешки, стрелы, порошки, сбросил лук, потом какие-то мешочки и посмотрел на И.

Сеть продолжала накаляться. И. еще раз предупредил о чем-то карлика. Но тот отрицательно покачал головой. Тогда лицо И. стало бледно, милосердно, но... я понял по жесту его

руки, что смерть карлика, не желавшего подчиниться требованию И. и отречься от зла, неизбежна.

И карлик понял, что обмануть И. ему не удастся, что на него идет смерть. Он встал на колени – лицо его, серое от страха, ужасное, было омерзительно – и выбросил несколько черных камешков. Пламя сетки, уже подходившее к несчастному, погасло. И. подошел вплотную к карлику, поднял сетку палочкой, которую вынул из-за пояса, отбросил ее в сторону и накинул на карлика другую, которую ему снова подал его сосед. В ней карлик остался лежать у ног И. Теперь раздался вой из кустов, точно кого-то оплакивающий. В этом вое было столько страдания, что я весь внутренне сжался. Франциск, стоявший до сих пор неподвижно, сделал несколько шагов к кустам, и птицы целой стаей двинулись за ним. Он остановился почти у самой клумбы и кому-то, мне невидимому, стал говорить. Я не понимал ни языка, ни смысла того, что он говорил. Но интонация голоса, бездонная ласка, мир и доброта, которые слышались в нем, говорили моему сердцу, что его любовь в своей помощи не знает ни предела, ни отказа.

Но что буквально разорвало мне сердце – это лицо Франциска. Ах, сколько раз в трудные и опасные минуты жизни, в минуты разлада и смертной тоски вставало передо мной это бледное лицо в экстазе любви и доброты. Бледный, с огромными синими глазами, испускавшими лучи, с улыбкой радости он протянул вперед руку. Всей своей позой Франциск говорил: «Приди ко мне, и я утешу тебя».

Я увидел, как из кустов стал выползать на четвереньках второй карлик. Этот был еще уродливее первого. Совершенно непропорционально сложенный, с огромной сравнительно головой, с длинной талией и коротышками-ножками, он поднялся на ноги с трудом и шел прямо на Франциска, воя, точно собака по покойнику. Длинные руки его висели ниже колен, челюсть с обнаженными деснами выдавалась вперед и была почти от уха до уха. Это страшное, невообразимое человеческое чудовище, задыхаясь, не дошло до Франциска шагов трех. Я ожидал, что тот сейчас же возьмет его, поднимет и приласкает. Но случилось иначе.

Первый карлик во всю мощь своей глотки стал что-то орать своему сподвижнику, показывая ему на стрелу, торчавшую посреди тропинки на поляне, и на те черные камешки, что он выбросил из своих бездонных карманов. Второй карлик сначала слушал внимательно, прикрыв уродливыми толстыми губами свою ужасающую челюсть, потом взглянул на Франциска, отпрянул назад и завыл, закрывая глаза руками.

Первый карлик заорал еще настойчивее. Франциск махнул на него слегка рукой, и он замолк. И снова раздался голос, который я опять истолковал себе так: «Приди ко мне, и я утешу тебя». Карлик, так же молниеносно, как это проделал несколько времени назад его товарищ, выпустил стрелу, и она упала на землю, вонзившись рядом с первой. Тут оба карлика точно с ума сошли. Они стали так выть и кататься по земле, кусать даже землю вокруг, что Франциск взял сетку из рук своего соседа и нежно, точно ватой, прикрыв ею урода. Так же как и первый, второй карлик запутался в сети. Голос Франциска, точно арфа, звучал нежно и кротко, когда он подошел к бесновавшемуся уроду и говорил ему что-то.

Затих второй карлик. Вынул спокойно все, что хранили его карманы, аккуратно сложил все в кучу и сверху положил такие же черные камешки, какие выбросил первый. Потом он встал с колен, пристально посмотрел в глаза Франциску своими красными глазами, и нечто вроде довольной улыбки раздвинуло его губы. Он моляще протянул руки к Франциску, показал на кучу своего аккуратно сложенного добра, притронулся к сердцу и горлу, провел рукой по своей шее, как бы показывая, что ему отрубят голову его хозяева.

Снова сказал что-то Франциск, и снова его голос и глаза проникли в мое сердце так: «Приди ко мне, и я утешу тебя». Теперь, казалось, карлик понял, что нашел верную защиту, которая не предаст его. Он снова опустился на колени, завыл что-то миролюбивое и коснулся лбом земли.

– Левушка, собери все свои силы и выйди сюда, – услышал я голос И. Я с трудом, но все же без особого напряжения, поднялся, сам поражаясь, как же это я не мог встать некоторое время назад. Я вышел из дома, и И. указал мне, как пройти между двумя рядами павлинов, со всех сторон бежавших мне навстречу.

Павлины сдвинулись в две плотные шеренги и образовали нечто вроде тропочки между мною и И. так, что я мог идти только по этой узкой тропе. Когда я подошел к И., он обнял меня одной рукой за плечи и сказал:

– Ни я, ни Франциск не можем коснуться этих несчастных, потому что от нашего прикосновения они умрут мгновенно, как это случилось бы с теми, кого ты должен был коснуться в Константинополе по просьбе сэра Уоми. Там у тебя был верный помощник храбрый капитан. Здесь ты один. Хочешь ли ты помочь мне и Франциску? Те люди, что стоят здесь, не могут нам помочь, каждый по своей причине. Помни: чтобы нам помочь сейчас, нужно не только полное бесстрашие, но и все милосердие, вся радость, вся любовь к Богу в человеке. Надо забыть все внешнее безобразие и проникнуть в заложенные в человеке Свет и Мир. Хочешь ли, друг, спасти этих несчастных?

– О, И., как можете вы спрашивать, хочу ли я? Вопрос в том, как смогу я быть вам полезным? И страха у меня быть не может, раз вы подле меня, и всем сердцем я хотел бы помочь этим бедным страдальцам, чтобы хоть на йоту отблагодарить вас за все то, что вы для меня сделали и делаете. Призывая имя дорогого Флорентийца, я постараюсь собрать все свое внимание. Я готов, я слушаю вас.

И. подал мне палочку, которую держал в руках:

– Держи палочку прямо против сердца бедного создания. Люби его так, как только может твое сердце понимать это чувство. Радуйся, как радуется сейчас Флорентиец, видя твое полное самоотвержение и желание спасти эти жалкие, злые создания. Когда я притронусь к твоей руке, что бы ни проделывал карлик, коснись немедленно его лба. Постарайся сделать это молниеносно и снова держи палочку на уровне сердца карлика.

Я взял палочку. Волшебное чувство счастья, радости охватило меня. Необычайно спокойным я себя почувствовал. Ноги мои, так слабо переступавшие, когда я шел, точно приросли к земле, во всем теле я почувствовал такую силу, точно и конца ей не было.

И. стал говорить что-то протяжное на языке пали, какой-то гимн. Я теперь знал язык уже настолько, чтобы понять, что это язык пали. Иногда я понимал отдельные слова, но содержание всего от меня ускользало. Вдруг интонация И. резко изменилась. В голосе его послышались снова раскаты грома. Я крепче сжал пальцы вокруг палочки, посмотрел на карлика и едва не выронил палочку из рук. Он пытался, пронизывая меня своими страшными глазами, которые сейчас не влияли на меня никак, коснуться моей палочки, для чего встал во весь рост и тянулся что было мочи ко мне. Но никакие его усилия не помогали. Он, точно приклеенный, не мог теперь двинуться с места. Я почувствовал прикосновение руки И. выше кисти, и в тот же момент я приложил палочку ко лбу карлика, который вскрикнул, хотел ее схватить, пошатнулся и упал.

Я подумал, что он убит. И. продолжал свой гимн и снова прикоснулся к моей руке. Я опять приложил палочку ко лбу карлика, тот вздрогнул, вытянулся и застонал. Мое зрение, должно быть, утомилось от напряжения на ярком солнце, но мне буквально казалось, что изо рта карлика шел какой-то черноватый пар. Голос И. поднялся выше, в нем послышались такие повелительные интонации, что даже все павлины опустили головы к самой земле. И. в третий раз коснулся моей руки. Я немедленно снова приложил палочку ко лбу карлика. Он сел, посмотрел с удивлением вокруг, встал на ноги, посмотрел на меня, на И. и вдруг, сморщив под детски лицо, заплакал горькими слезами.

Сердце мое надрывалось. Я готов был обнять его, успокоить, но уже две другие руки сбросили сеть с бедняги и нежно гладили мохнатую голову. И. поднял карлика на руки и держал

его, горько плакавшего, у своей груди. Франциск сделал знак руками, что-то громко сказал птицам, и они все перебежали ко второму карлику, окружив его плотным кольцом. И. велел мне вложить палочку в чехол у его пояса и спрятать ее в специальный узенький карман, совершенно не замеченный мною раньше в его одежде.

Теперь Франциск позвал меня к себе.

– Этот карлик добровольно оставляет свое грязное ремесло зла, Левушка. Пока я буду читать мою мантру, переноси всякий раз по моему указанию палочку с предмета на предмет во всей этой куче тряпья, что он сложил. Вот, возьми палочку. Когда вся куча распадется в золу, подними сетку палочкой, возьми карлика за руку и выведи его сюда, совсем близко ко мне. И когда я тебе укажу, коснись палочкой его темени.

Я сделал все, как приказал мне Франциск, и эффект от вещей, превращавшихся в золу, был почти тот же, что в Константинополе. Но только здесь все еще склеивалось, точно ком смолы. Как только я коснулся темени карлика, он также хотел схватить руками палочку, пытался даже подпрыгнуть, но, как и первый, не достиг никаких результатов. Но этот карлик не злился, не плакал – он смеялся как ребенок и выказывал все признаки удовольствия.

По указанию Франциска, я поднял палочкой сеть и подвел к нему карлика, который бросился к его ногам, обнимая их, и пытался выказать все признаки любви. Франциск поднял карлика на руки, как это сделал И., и велел увести всех птиц за исключением трех, которых сам выбрал. Он велел также позвать сестру Александру.

Когда я передал Франциску его палочку и подошел к И. – карлик мирно спал на его руках. Когда пришла сестра Александра, оба карлика уже спали и были унесены в ту комнату, где жил Макс.

Теперь поляна приняла свой обычный вид, все следы происходившей на ней борьбы Света и Тьмы исчезли, и мы вошли в комнату Франциска. Меня тревожили багровые пятна на руках его, но он сам их точно не замечал. Только я приготовился было сказать о них И., как услышал его голос:

– Сядь, Франциск, я перевяжу твои раны. Иначе ты снова сляжешь.

Франциск и раны? Где же раны? Я недоумевал, не представляя себе, чтобы безмятежный, сияющий, правда бледный, но такой сильный и спокойный Франциск мог страдать от ран. Не возразив ни слова, Франциск сел на стул и И. отвернул его рукава. Выше тех мест, где были багровые пятна от рук крестьянина, на обеих руках Франциска были раны, точно обожженные места, и на них уже выступали капли крови.

Никогда, ни до этого, ни потом, не приходилось мне переживать такого страдания. Франциск молчал, спокойно перенося муку, когда И. накладывал повязки на кровоточившие руки. Лицо его сохраняло такое выражение, точно он пел славословие всей Вселенной, но я едва сдерживал рыдания.

Мне, как и крестьянам, которых он спас сегодня, Франциск казался святым. Почему же, зачем страдать святому? Мне хотелось подставить свои руки, только бы избавить его от страданий, только бы видеть это чудесное лицо в экстазе любви и доброты.

– Святым, Левушка, нечего делать на Земле, я уже тебе это говорил. Могут быть на Земле божественные посланники, но я не из их числа. Я грешный человек. И все, чем я могу помогать людям, это только, в буквальном смысле слова, меняться с ними кровь за кровь. Но выше счастья и нет для человека на Земле. Я не водитель человечества. Я простой человек. Мой путь доброты ведет меня так, как во мне живущая Гармония меня допускает. Не страдать ты должен, глядя на меня, но понять, что каждый путь есть вековая карма, от которой отказаться нельзя. Вот у тебя тоже карма: ты носишь дивный камень Учителя, который у него украли, он был опозорен и снова очищен. Знаешь ты или не знаешь – велика твоя помощь тому, кому ты его возвратишь. И все мы, тебе помогающие развить в себе психические силы носить его

и вернуть его владельцу, все мы связаны огромной кармой благодарности и спасения с тем, кому ты должен вернуть камень.

Слова Франциска, как и все виденное сегодня, не до конца были мне понятны. Но я ни о чем не спрашивал, я уже теперь знал, что И. скажет мне все, что и когда я буду в силах понять.

Прощавшись с Франциском, мы с И. покинули территорию больницы и возвратились домой. Я шел с трудом, И. поддерживал меня и уложил в постель, как только мы вернулись в наш дом.

Через час Ясса повел меня в ванну. Сам И. давал ему указания, как применить массаж. Но и после ванны и массажа мне было не по себе. Пришлось снова лечь в постель. Я даже не мог во всем происшедшем дать себе точный отчет. Не мог сообразить, который сейчас час, меня все больше охватывала слабость, озноб, и я забылся в беспокойном сне.

Глава IV

Я знакомлюсь еще со многими домами Общины. Оранжевый домик. Кого я в нем видел и что было в нем

Я проснулся, как мне показалось, от какой-то тяжести на плече и легких толчков по руке. Не сразу сообразив, где я и что со мной, я открыл глаза и тут же вовсю расхохотался.

Мой маленький друг павлин, который теперь стал уже не таким крошкой, забрался на мое плечо и преуморительно будил меня. Привыкнув ходить с нами купаться в определенный час, он давал мне знать, что пора вставать. Мало того, умилительная птичка не удовольствовалась тем, что разбудила меня. Она соскочила с постели, подбежала к настежь открытой балконной двери, посмотрела вдаль и, выказывая признаки беспокойства, махая крыльями и издавая резкие звуки, как бы о чем-то молящие, вернулась к моей постели. Подергав клювом мое одеяло, павлин снова подбежал к балкону и снова вернулся ко мне, издавая еще более резкие звуки. Он старался дать мне понять, чтобы я посмотрел, что именно его беспокоит.

Весело смеясь, я поднялся и подошел к балкону. Каково же было мое удивление, когда я увидел вдали, по дороге к озеру И., уже подходившего к скале, за которой он должен был сейчас скрыться. Я расцеловал моего заботливого друга, который радостно замурлыкал, чем еще больше меня насмешил. Мигом одевшись и не забыв на этот раз красиво расчесать свои кудри, чему меня обучил Ясса, схватив в охапку простыню и павлина, я помчался догонять И.

Я чувствовал себя совершенно здоровым и в эти первые утренние минуты забыл или, вернее, не вспомнил о том, что было вчера. Я уже настолько привык к жаре, что палящее солнце не составляло больше для меня мученья, как это было в Константинополе или у моего брата в К. Я теперь мог идти очень быстро. Я почти постиг искусство ходить по пыльной дороге не пыля и не уставая. Когда я домчался до нижнего озера, я увидел И., стоявшего возле одной из купален с каким-то высоким человеком. Стройная фигура незнакомца и его лицо были примечательны. Он не походил на туземца, хотя был брюнетом. Орлиный нос с очень красиво выгнутой горбинкой – все говорило мне, что это грузин, а по его походке, легкой, как бы танцующей, плавной, я угадал в нем горца.

– Левушка, – радостно обернулся И. на громкое приветствие моей птички. – Как это ты, соня, проснулся? Это надо отнести к разряду чудес, что нам с Яссой не пришлось тебя сегодня расталкивать, – смеялся И.

Он взял моего павлина на руки, а тот бесцеремонно взгромоздился ему на плечо и терся головкой о его щеку. Поглаживающий птичку по ее чудесной спинке, рядом с горцем-орлом, на фоне синего озера, под ярким солнцем И. был так прекрасен, что я не смог удержать порыва моего восторга, обнял моего друга и молил его:

– И., миленький, не откажите мне! Я хочу иметь ваш портрет именно таким, здесь, у озера, с моим павлином на плече, утром. Мне кажется, что ваша поза, вся ласковость и энергия точно благословляют весь день, всех людей, посылая им силы творить и любить. О, И., не откажите мне! Я попрошу Бронского, чтобы его приятельница нарисовала мне вас таким. Только согласитесь позировать синьоре Беате.

– Ненасытный Левушка, мало тебе моего постоянного присутствия днем? Еще и ночью я должен висеть над тобой! И снова, мой друг, ты проштрафился, выражаясь по твоей манере. Приведи себя в равновесие, освободись от чрезмерного восхищения моей персоной и познакомься с одним из моих и Али друзей.

И. говорил так ласково, глаза его лили такие потоки любви и радости, каких, как мне казалось, я еще не замечал в нем.

– Это мой старинный друг, Левушка, мой сподвижник во многих делах, которого я давно не видел. Зовут его, для тебя, Никито, а фамилия его Давшчвили. А это – Левушка, граф Т., – представил нас друг другу И.

На лице незнакомца изобразилось удивление, он оглядел меня с головы до ног, посмотрел на И. и вдруг, точно что-то вспомнив и сообразив, закивал мне головой, очаровательно улыбнулся и протянул мне обе руки. Его молчаливое приветствие, глубокое радушие которого я ощущал всем сердцем, меня, в свою очередь, удивило. Что-то было в этом человеке особенное, мне даже подумалось, что он глухонемой, так пристален был его взгляд.

Протянув ему так же обе руки, я посмотрел в его глаза, зная, что глухие и немые смотрят в рот человеку. Но Давшчвили смотрел мне прямо в глаза. Взгляд его был добрый, прямой, честный. Но был ли он глухим, я не решил и услышал смех и слова И.:

– Ведь ты больше не немой слуга в горах Кавказа, Никито. Твоя привычка многолетнего молчания поразила Левушку, ждавшего от тебя словесного приветия. Он, наверное, решил, что ты немой.

– Простите, – сказал мне Никито, – я так привык долго молчать в одиночестве, что теперь не сразу могу пользоваться речью, чем сбиваю с толку людей. Но на этот раз я знаю, что не только моя молчаливость смутила вас. Я не сумел скрыть своего удивления, когда услышал вашу фамилию. А удивился я ей потому, что много лет назад свирепая буря в горах загнала под мой кров неожиданного гостя. Буря справляла пир чуть ли не целую неделю, дороги замело так, что путнику пришлось прожить в моей сакле всю эту неделю. Гость мой был офицер, и фамилия его была такая же, как ваша.

В первый момент нашей встречи я не нашел сходства между моим гостем и вами. Но несколько минут спустя я отчетливо вспомнил лицо моего гостя и могу поручиться, что он был вашим братом. Овал лица, разрез глаз и губ – все одинаковое. Но кудри вашего брата светлые, как и глаза. Вы же брюнет. У меня память на лица исключительная. Если бы И. и не назвал мне вашей фамилии, я все равно сам спросил бы вас о ней.

Давшчвили говорил по-английски с сильным акцентом. Я подумал, что он и по-русски должен говорить так же нечисто. Мысль, что он был гостеприимным хозяином брата, быть может, спас ему жизнь, сразу сделала мне Никито близким и дорогим. Все еще держа его руки в своих, я горячо сказал:

– Как я хотел бы слышать от вас, Никито, подробное описание тех дней жизни брата, которые он провел с Вами. Я так давно его не видел, так долго еще не увижу, что был бы счастлив поговорить с вами о нем.

– Что же тебе нужнее в первую очередь, Левушка? – передавая мне павлина, спросил И. Мой ли портрет или описание жизни брата Николая у Никито?

– Конечно, И., ваш портрет мне нужнее, потому что в нем для меня символ всей жизни, которую я понял через вас. Владея вашим портретом, я надеюсь навеки запечатлеть его в сердце, как путь счастья и силы, которые вы научили меня понимать. Если бы я теперь услышал, как прожил мой брат неделю в глуши гор, почти заживо схороненный в буране снегов, я понял бы, вероятно, многое иначе, чем до моей встречи с вами. Символ белого павлина, который я видел на коробках Али, Флорентийца и моего брата...

Я не договорил моей фразы. Живой павлин, которого я держал на руках, взяв его от И., вдруг точно прорезал какой-то туманный занавес в моей памяти. Я вспомнил вчерашнее. Вся картина поляны, и на ней две фигуры – И. и Франциска, окруженные снежными кольцами павлинов с сияющими золотыми хвостами, до того ясно и четко вырисовалась в моей памяти, что я мгновенно забыл все остальное и стоял оглушенный потоком новых мыслей, новым озарением.

Вчера я не мог осилить всего величия труда, в котором участвовали птицы-братья, помогавшие вырваться своим карликам-братьям из цепей и мук зла. Не знаю и сейчас, сколько, как и где я стоял. Я точно читал слова письма Али: «И пусть этот белый павлин будет тебе эмблемой мира и труда для пользы и счастья людей». Резкая боль в пояснице – должно быть, я неловко повернулся – заставила меня прийти в себя. Опомнился я окончательно только в купальне, на берегу нижнего холодного озера. Мой птенчик сидел у моего изголовья, а И. и Никито стояли возле меня. В руках И. был флакон Флорентийца, я его узнал и понял, что, очевидно, дело не обошлось без моего обморока.

Как это ни странно, но, когда я теперь смотрел на Никито, какие-то смутные воспоминания, что-то из далекого детства, вставало в моей памяти. Мне казалось, что его лицо, такое сейчас заботливо-нежное, связывалось в обрывках моей памяти с горами Кавказа, с лошадью, с каким-то путешествием, но ничего определенного я вспомнить не мог и, махнув рукой, решил, что это снова штучки моей «дервишской шапки». Все же, когда Никито прикоснулся ко мне, помогая встать, это прикосновение показалось мне знакомым.

– Ну, Левушка, попробуем искупать тебя в холодном озере, как рекомендовала Наталья Владимировна, – сказал мне И.

– Так она, дорогая моя приятельница, снова здесь? – Никито был очень удивлен, когда узнал, что Андреева не только снова здесь, но и живет в доме первой ступени, как он выразился о нашем домике.

На мой вопрос, что значит «первая ступень», он ответил мне, что первых ступеней много, в смысле жизни Общины и в бытовом, и в духовном отношениях.

Первая ступень, как ее надо понимать в смысле дома, – это род распределителя, где каждый человек не выбирает себе нравящегося ему места в жизни, а живет именно там и так, как его духовные силы дают ему возможность. И именно эти силы определяют его место в Общине, не давая ему возможности жить иначе в каком-либо другом доме Общины.

О себе он сказал, что живет сейчас в доме пятой ступени, а жил много лет назад, уезжая отсюда, в третьей. Но, возвратившись, теперь нашел дом в пятой, которого даже не видел, когда жил в третьей.

И. сказал мне, что, если я выдержу мое купанье благополучно, он проведет меня к тем домам Общины, где мои силы дадут мне возможность жить и дышать. Он прибавил, что можно обладать очень высоко развитыми психическими силами, даже быть источником больших откровений для людей и все же, по недостатку гармонии в своем собственном организме, не иметь сил выносить вибрации тех ступеней, где атмосфера требует именно гармонии как начальной, исходной точки существования. Человек, не справляющийся с рвущимися из него токами сил, задыхается в более высокой атмосфере гармонии, останавливается перед нею, как перед самой плотной стеной, хотя внешних препятствий перед ним никаких не существует.

Стена эта создается его собственными, бурно рвущимися из него со всех сторон токами, закрывающими пеленой его собственное духовное и физическое зрение. И человек даже не видит входа или дороги в те места, где живут более развитые и сложившиеся в высокую гармонию существа.

Мое купанье, к счастью, обошлось без всяких эксцессов, если не считать, что температура воды по сравнению с воздухом была чрезвычайно низка. Возможно, что на самом деле она и не была уж так низка, но мне вода показалась ледяной. Когда я погружался в воду, она шипела, точно газированная, и покрывала все тело слоем серебристых пузырьков. Даже когда я вышел из воды, я весь был в них, как в серебряной броне, и красен как рак. Но зато до самого дома, всю дорогу по зною, я ощущал прохладу, и жара оставляла меня нечувствительным к ее каверзам.

Когда я вошел в столовую, первой меня приветствовала Андреева.

– Ах, мистер шило-граф, до чего же вы изменились и похорошели за то время, что я вас не видела. Уж не купаетесь ли вы в нижнем озере?

– Вы очень точно угадали, Наталья Владимировна. Я выкупан сегодня в холодном озере, и переживания мои напоминают, по всей вероятности, чувства лохматого пуделя, брошенного с печки в замерзающий пруд. Хорошеют ли от этого, я не знаю, еще не имел случая наблюдать.

– Ох, уж эти мне писатели, – вздохнула она, притворно делая несчастную гримасу. И вдруг как-то наморщила брови, распустила губы, придала доброе-предоброе выражение всему своему резковатому лицу – ни дать ни взять Ольденкотт.

Я так и покатился от смеха. Тут же вспомнил, как Флорентиец изображал в парке в К. английского лорда молодым поручикам, – и смеху моему не было удержу. Сама же Андреева мгновенно переменяла игру лица на обычное свое выражение и наивно спрашивала И., не знает ли он причины моего необычайного веселья. И. ответил, что лично он не знает, но не сомневается, что мистер Ольденкотт знает наверное.

– О да, я знаю и не удивляюсь, что вашему другу смешно, – сказал входивший Ольденкотт. – Это так невообразимо – найти сходство со мной в лице Натальи Владимировны, что я и сам бы смеялся, если бы не боялся рассердить мою приятельницу.

Почему-то сегодня все окружающие меня вызывали во мне особенно острый интерес. До сих пор я был близок только с Бронским, помогавшим мне воспитывать моего птенца, и дружба наша все возрастала. Благодаря его огромному знанию всего света и людей, которых он покорял своим талантом, благодаря его дару наблюдательности, внимания и умению вовремя вспомнить нечто характерное из своих наблюдений, он был интереснейшим рассказчиком и педагогом. Он говорил всегда образно, красочно, по существу, и от общения с ним росло и мое понимание искусства и людей.

Альвера Черджистона я встречал только за столом, как и некоторых других, с кем я познакомился вначале. До сих пор мое внимание останавливалось только на том, о чем говорили мне И. или Франциск. Но сегодня, после купанья и пережитого на лесной поляне вчера, я стал пытливо всматриваться в галерею лиц сидевших со всех сторон людей. Впервые я совершенно четко осознал, что все здесь собравшиеся люди живут также своей внутренней, тайной для других жизнью и что их переживания здесь, вероятно, полны такими же чудесами и делами, каким я был свидетелем и даже действующим лицом вчера.

Я слышал, что Андреева пишет труд огромного значения, что у нее есть своя особая миссия, к которой она здесь готовилась уже не раз, и теперь снова готовится вынести в широкий мир целый поток новых знаний для людей. Услышанные же сегодня слова о ней Никито и И. еще больше пробудили мой интерес. На ней остановились мои глаза, и я встретился с ее взглядом, пристальным и... печальным. Удивительно менялось это лицо! Точно вода на поверхности озера, оно отражало все колебания ее духа. Только так недавно лицо это носило следы мальчишеской шаловливости, юмора, и черты его, грубые и нескладные, били в глаза своей непропорциональностью. А сейчас оно было тихо, спокойно, печально и – к моему изумлению – прекрасно. Я не могу подобрать иного слова. Оно было истинно прекрасно! Черты смягчились, точно их покрыла волшебная вуаль доброты, и взгляд ее не сверлил и не жег, а точно любил, благословлял, преклонялся. Мудрость озаряла ее лицо, и, если бы я в самом начале увидел эту Наталью Владимировну, я не узнал бы ее в бурной и шумной подруге Ольденкотта. Ее обаяние и очарование заворовали меня, а когда я услышал вместо резковатого мягкий, бархатный голос, я даже в первый момент не сообразил, что это говорит она.

– Не каждому дано войти в комнату Али. Не каждому дано принять участие в наивысшей помощи человечеству. Путь радости – это путь вовсе не совершенных, но непременно примиренных. А примиренные – это не внешне спокойные, а внутри, в сердце носящие мир. Можно быть верным до конца, нести задачу большого значения, выполнять ее успешно и все же не уметь подняться выше в своей гармонии. Не шипами вашими вы будете смотреть и видеть сегодня, но знанием, что открыло вам живое, мирное сердце. Но печалиться о тех, чьи лица вам кажутся печальными, нет смысла. Чем печальнее ваш встречный, тем крепче должна быть

ваша радость, потому что только тогда он может сбросить на вас часть своей скорби. Скорбь и страх умирают в присутствии Мудрости. Не обо мне и моих тайнах думайте, но о тех минутах счастья, где можете пройти мимо любого человека в полном самообладании. Только тогда вы будете помощью всем нуждающимся в гармонии, когда научитесь радоваться, встречая печальных.

Андреева говорила тихо, голос ее тонул в общем шуме, но я слышал каждое ее слово так четко, как будто бы она говорила мне прямо в ухо.

Завтрак кончался, когда я увидел подходившего к нам Никито. И снова смутное чувство, что я вижу этого человека не впервые, охватило меня. Пока он здоровался с Кастандой и Андреевой, я все присматривался к нему, но никак не мог решить, где бы я мог его видеть. Среди встреч последних месяцев я такого лица не помнил. А между тем чувство близости к нему сейчас было во мне еще живее, чем у озера.

Простившись с Андреевой, которую я сердечно поблагодарил за ее слова, я поспешил за И. и Никито, уже вышедшими в аллею стройных и высоченных пальм.

Мои друзья шли по аллее до самого конца парка и повернули влево, в узкую тропу среди бамбуков, которые я до сих пор считал непроходимыми.

– Вот так чудо, как здесь тенисто, прохладно! Вот где надо прятаться от жары. И как это мне не приходило в голову, что я могу найти проход в этих джунглях?

– Много раз еще ты будешь так думать, Левушка, пока будешь жить в Общине. Так же ты будешь открывать Америки там, где раньше видел один лес или горы. Мало того, ты будешь знать прекрасно местоположение того или иного дома здесь, но в зависимости от твоего внутреннего подъема или падения ты будешь точно находить их или абсолютно терять к ним путь. Не исключена возможность, что в один прекрасный день ты не найдешь дороги к островку Али и не сможешь пройти в его комнату. Чистота и бесстрашие – первые условия духовного зрения.

Таким образом, чем шире идет раскрепощение в человеке, тем скорее все его качества переходят в аспекты Единого, пока по восходящим ступеням освобождения весь Единый в человеке не загорится огнем. И вот по этим-то ступеням и построены дома в Общине. Здесь вообще уже нельзя встретить человека, колеблющегося между злом и добром. Здесь живут только те, в ком все аспекты Единого вскрыты и движутся. Но так как нет ни одного человека, в котором его освобождение шло бы так, как оно идет у другого, то путь Света, теми, кто пришел к совершенству раньше, приспособлен к самым разнообразным возможностям для всех тех, кто идет за ними или ищет самостоятельно освобождения. Сейчас мы входим в дома второй ступени. Их здесь семь. Почему их семь и почему каждый из них разного цвета, об этом вам скажет И., Левушка, когда для этого настанет пора.

При последних словах Никито мы вышли из бамбуковых зарослей и попали на чудесную поляну, где среди зеленого луга цвели самые разнообразные цветы. Многие из них были таких форм и красок, каких я еще никогда не видел. Поляну пересекали в нескольких местах дорожки, лучеобразно расходящиеся в разных направлениях.

И., шедший впереди, выбрал центральную, прямую дорожку, ведущую к холмам, поросшим пальмами и эвкалиптами. Когда мы поднялись на холм, я остановился в восхищении. За рядом холмов, на вершине одного из которых мы стояли, расстилалась широкая поляна с рядом очень красивых, больших, средних и совсем маленьких белых домов и домиков. По другую сторону долины также возвышались холмы несколько выше тех, на которых мы стояли. Весь их скат был покрыт густым, роскошным лесом всевозможных лиственных пород, но кое-где темнели и могучие кедры. Там и сям, как вкрапленные цветные камни, в зеленой оправе пальм и леса стояли изящные домики самых разнообразных форм и цветов, причудливых и простых стилей. Особенно пленил меня фиолетовый дом в стиле старинного средневекового замка с башенками, лестницами и балконами. Среди яркой зелени, под блеском лучей, проникавших между деревьями, с широкой белой лестницей посередине и спускавшимися вниз

причудливыми, винтообразными, тоже белыми лесенками от боковых башенок, домик казался аметистовым. Слева, также среди леса, выделялся дом красного цвета. Направо я увидел желтый, за ним синий, зеленый и оранжевый домики. Эта причудливость окраски в гуще листвы делала их похожими на цветы.

– Не правда ли, красиво? – спросил меня Никито.

– Да, очень, изумительно красиво. Но, признаться, это как-то нечеловечески красиво. Здесь это гармонично и художественно и так просто, что принимаешь эту причудливость, будто так и быть должно. Но можно ли себе вообразить нечто подобное в условиях обычной жизни? Если бы кому-либо вздумалось соорудить себе в своей деревне этакий домик-фиалку или вон тот рубинового цвета, наверное, человека сочли бы выскочкой с дикими фантазиями или человеком плохого вкуса. Здесь же это совершенно очаровательно, и я готов был бы здесь век прожить.

– Многое в жизни, Левушка, кажется людям непонятным и даже невозможным только потому, что в своем опыте дня они не проходили и не видели тех вещей, которые отрицают. Точнее сказать, они проходили мимо очень многих великих вещей; но ни видеть, ни ощущать их не могли и – по невежеству своему – их отрицали. Разумеется, если бы человек, не сливая в гармонию с цветом своего дома всего того, что его окружает, выстроил себе причудливый зеленый дом, прилепил бы к нему белые окна, желтые заборы и красную крышу, он выказал бы только убогое понимание архитектуры и жалкий вкус. Здесь же ты видишь не только гармоничную гамму однотонного цвета в каждом доме. Ты еще и не замечаешь, чтобы дом рвался из своей рамы зелени, так как и купы деревьев, и окружающие дома, разнясь по цвету друг от друга, дополняют гармонию каждого строения. Кроме того, все, что ты видишь здесь перед собой, все это не порождение той или иной фантазии, тех или иных условностей. Это органические свойства человеческих жизней и человеческих путей окрасили эти дома в тот или иной цвет. Вот, посмотри на этот красный дом. Он окружен розами, геранями, ползучими лилиями, красный цвет которых так ярок, что они кажутся горящими. Этот дом сам по себе бел, как и все те дома, которые ты видишь в долине, где сам живешь. Но люди, живущие в этом доме, покрыли все его стены эманациями любви своих аур, и дом горит, как кровь, и таким воспринимается тобой. Но, если бы в тебе самом не было раскрыто духовное зрение, именно тобой в этот тон окрашенное, то есть, если бы ты не носил в себе живой любви, ты не мог бы увидеть той окраски, которой горят ауры людей, идущих путем любви, то есть луча красного цвета. Ты видел бы просто белый дом или, еще вероятнее, не видел бы ровно ничего. Постигни же и первое правило каждого из учеников, входящих в Общину второй ступени: ничего не рассказывать о том, что видишь и слышишь, кого встречаешь и кого оставляешь, без разрешения своего Учителя. Научись молчать, научись держать в тайне то, что Учитель не велел рассказывать. В данное время Учителем твоим являюсь я. Хочешь ли ты двигаться дальше за мной, до тех пор, пока сюда не приедет Флорентиец, и ты пойдешь, уже подготовленный, за ним?

Я был глубоко тронут всем тем, что сказал мне И.

– Если только вашей любви и терпения хватит на такого рассеянного ученика, я буду счастлив, потому что всем сердцем люблю вас и давно в нем называл вас моим Учителем. Я обещаю приложить все мое усердие, все внимание, чтобы облегчить ваш труд, мой дорогой наставник, мой верный друг и Учитель.

– Я рад служить тебе, Левушка, всеми моими знаниями и всею моей верностью любви и дружбы. Не пойми превратно моих слов о тайне ученического пути. Мы с тобой уже не раз говорили, что тайн в мире духовных сил нет. Есть та или иная степень знания, то есть та или иная степень освобождения. Поэтому убеждения людей, их моральные требования, их радость или уныние в единении друг с другом, доброжелательство или равнодушие и т. д. – все зависит степени их закрепощенности в личных страстях или от их освобожденности. Субъективизм человека и отрицание им своей современности, под тем или иным предлогом, всегда

служат явным и верным признаком его невежественности. Поэтому думать, что ты можешь кого-либо поднять к более высокому мирозерцанию, если приобщишь его к своей той или иной истине, раскрывшейся тебе благодаря твоему собственному труду любви, – это составляет такое же заблуждение, как пытаться объяснить немзыкальному человеку прелесть песни. Отдавая другому самую драгоценную и неоспоримую для тебя истину, ты не достигнешь никаких положительных результатов, если друг твой не готов к ее восприятию. А профанировать свою святыню ты всегда рискуешь. И не потому, что человек, которому ты ее открыл, зол или бесчестен. Но только потому, что он еще не готов. Об этом говорится: «Не мечите бисера...» С другой стороны, тот, кто прошел все ступени освобождения, тот понял до конца любовь, творящую в той части Вселенной, где он живет.

Когда он начинает понимать это творчество Любви, его взору открываются все плотные покровы человека. И он в состоянии читать в другом не только движение его мыслей в данное сейчас время, но и всю его кармическую судьбу. Раскрывая тебе то или иное, я не могу не видеть, что ты можешь понять сейчас легко и просто, что причинит тебе большое напряжение и чего ты не сможешь принять, так как не раскрылись в тебе еще те начала, по которым могут и должны пронестись все твои индивидуальные силы, чтобы слиться с силами природы. Есть целый ряд знаний, войти в которые может только сам человек.

Ввести в них ничья посторонняя помощь не может. Развиваясь, освобожденный человек сам ставит – свои, по-своему – вопросы матери-природе, и она ему отвечает. Это не значит, что каждый, еще ничего не понимающий в пути ученичества человек способен ставить природе те вопросы, до которых он своим умничаньем додумался. Прочел человек десяток-другой умных книжек, побыл членом, секретарем или председателем каких-либо философских или теософических или иных обществ, загрузил себя еще большим числом условных пониманий и решил, что теперь он готов, что он водитель тех или иных людей, что знания его – вершина мудрости. Здесь начало всех печальных отклонений.

Здесь начало разъединения, упрямства, самомнения, споров о том, кто прав, кто виноват. Вместо доброжелательства друг к другу и мира, что несут с собою всюду освобожденные, человек, ухвативший мираж знаний, несет людям раздражение и оставляет их в неудовлетворенности и безрадостности. Проверь и присмотришься. Тот, кто легче всех прощает людям их греховность, всегда несет людям в каждой встрече доброту, милосердие и мир. В них он каждую встречу начнет, в них ее и кончит. Тот же, кто вошел в дом и принес раздражение, тот всегда не прав, хотя бы свой приход он объяснял самыми важными причинами.

Мы стояли на вершине холма и смотрели на долину, когда из-за огромных кустов цветущих азалий показались два человека. Я тотчас узнал высокие фигуры Освальда Растена и Жерома Манюле. И. познакомил меня с ними в первый день приезда в Общину, и с тех пор я их не видел. Теперь я понял, что они жили здесь, и поэтому я их не видел в парке возле наших домов.

У меня мелькнула мысль, как было, вероятно, трудно И., такому мудрому, жить все время в обществе неуравновешенных людей да еще иметь в самом близком общении такого болезненного, рассеянного ученика.

Вновь подошедшие радостно приветствовали И., которому сейчас совсем иначе поклонились – глубоким поклоном, напомнившим мне поясной поклон монахов, тогда как в столовой парка они приветствовали его общепринятой формой рукопожатия. И., отвечая на их приветствие, положил каждому из них руку на голову, точно благословляя их или призывая на их головы чье-то благословение. Он указал им на Никито.

– Это тот брат с Кавказа, о котором я говорил вам и которому я поручаю вас как ближайшему наставнику. Завтра он придет к вам, и вы выработаете все вместе программу своих занятий. Кроме того, недели через две – три мы поедем в дальние части Общины, и если брат

Никито найдет возможным, он возьмет вас с собой. Теперь же пройдемте в ваш дом, чтобы Левушка мог увидеть вашу жизнь. Ему вскоре придется перебраться сюда.

Мы стали спускаться с холма, пересекли долину и поднялись к оранжевому домику. Он особенно чудесно выделялся среди синих и белых цветов, темных кленов, дивных огромных кедров и совсем меня сразивших белых акаций. Точно колоссальные снежные шапки стояли эти красавицы, разливая вокруг упоительный аромат.

Как только мы вошли в калитку сада через прелестную изгородь, утопавшую в цветах, нам навстречу побежали два белых павлина, сидевших на возвышениях лестницы среди живых цветов. Птицы были большие, красивые и показались мне очень спокойными, точно кто-нибудь специально занимался их воспитанием. Оба павлина бежали прямо к И., который поднес каждому из них по ломтю сладкого хлеба, ласкал их, улыбаясь, и говорил им какие-то слова. Неся хлеб в клювах, птицы вспрыгнули снова на свои места и только там начали есть свой хлеб.

Очаровательный домик, куда мы вошли, имел большой холл, из которого поднималась наверх лестница, очень красивая, темного дерева, вся уставленная цветами вроде лилий и мимоз желтого, почти оранжевого цвета. Мне вспомнилась лестница с желтыми цветами и бирюзовыми вазами в доме сэра Уоми в Б. Вспомнилась Хава, о которой я давно не имел вестей, и... вспомнилась Анна, на плечах которой я видел однажды хитон такого же цвета, как эти цветы.

Мысли об Анне вообще не раз посещали меня, а сейчас я как-то особенно резко ощутил ее в моем сердце, думая о ее несчастье и о своем счастье. Ведь она могла бы быть здесь, рядом с нами, вместе с Анандой и жить этой волшебной жизнью, в которой купаюсь я.

– Уж не ждешь ли ты, Левушка, чтобы наверху открылась дверь и сюда спустилась Хава? – оторвал меня от моего ловиворонства голос И.

– Вы не ошиблись, И. Комната и лестница действительно вызвали во мне воспоминания о Б., доме сэра Уоми и, конечно, Хаве. Но не о ней я задумался сейчас так глубоко, а об Анне. О милой, дорогой Анне, о ее музыке, которой здесь так не хватает, и об ее жизни в эту минуту. Мне кажется, я согласился бы прожить отшельником и молчальником года два, лишь бы Анна стояла в эту минуту здесь, рядом с вами. Этот домик производит на меня не менее сильное впечатление, чем дом сэра Уоми. Что-то в нем очаровывает, пленяет меня, и я чувствую на сердце такое же спокойствие, такую же радость, как при входе в комнату Али. Почему это?

– Скоро ты узнаешь этот домик ближе и, быть может, сам решишь этот вопрос.

Налево от холла была большая библиотека. Здесь было довольно много людей. Кое-кто перебирал каталоги, иные сидели за столиками и просматривали стопки книг, очевидно отбирая то, что им нужно. Другие расставляли книги по полкам, а некоторые читали, углубясь и не обращая внимания ни на что. Особенно меня поразили две совсем молоденькие девушки, выдававшие книги за красивыми конторками, украшенными цветами. И эта комната-библиотека была прекрасна. В ней было три окна, больших венецианских окна, и вид из них на противоположную сторону и горную цепь был не менее прекрасен, чем из окон моей комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.